

ВОЕННАЯ БОЕВАЯ
ФАНТАСТИКА

СУДЬБЫ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ

ВЛАДИСЛАВ СТРЕЛКОВ

Военная боевая фантастика

Владислав Стрелков

Судьбы местного значения

«Издательство АСТ»

2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Стрелков В. В.

Судьбы местного значения / В. В. Стрелков — «Издательство АСТ», 2024 — (Военная боевая фантастика)

ISBN 978-5-17-162392-0

22 июня 1941 года началось вторжение Германии в СССР. Механизированные соединения вермахта рассекли и окружили войска Западного фронта, блокировав в котле почти три десятка дивизий, захватив стратегическую инициативу и господство в воздухе. Однако РККА начинает упреждать удары вермахта. Привычные прорывы по флангам, охваты и последующее окружение перестают работать. В местах намечаемых прорывов командование Красной армии концентрирует большие силы. И вермахт вязнет в затяжных боях, теряя технику и личный состав. В начавшемся под Дубно масштабном танковом сражении разгромлены две танковые группы вермахта... А в это время по немецким тылам к фронту пробираются бойцы, несущие важные сведения. Откуда эти сведения? Из какого источника? Провокация это или безвозмездная помощь? Но от этих сведений зависит судьба страны.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-162392-0

© Стрелков В. В., 2024
© Издательство АСТ, 2024

Содержание

От автора	6
Пролог	7
Глава 1	11
Глава 2	20
Глава 3	27
Глава 4	38
Глава 5	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Владислав Валентинович Стрелков

Судьбы местного значения

© Владислав Стрелков, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

От автора

Эта книга является продолжением «Рубежей бессмертия», вышедшей под названием «Тропой мужества». Обе книги написаны в жанре попаданцев и считаются фантастикой. Но фантастики в них буквально толика, ибо не в этом суть. В «Судьбах местного значения» очень мало о главных героях первой книги. В ней о людях известных и неизвестных, кто-то из них сражался на фронте, кто-то громил врага в диверсионных и партизанских отрядах, кто-то трудился в тылу на заводах. Все они творцы будущей Победы, и я считаю всех героев своей книги главными. В этой книге речь только о них. Героях реальных, не придуманных, потому что многого и придумывать не надо, взять и почитать воспоминания ветеранов, описания подвигов в наградных листах, донесения, рапорта, сводки. Там все это есть. Надо всего лишь читать между строк, и найдешь...

Я только раз видала рукопашный,
Раз наяву. И тысячу – во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

Эти стихи написала Юлия Друнина в 1943 году. Она знала, о чем писала. В свои 16 лет была санитаркой и на себе испытала тяготы медперсонала в госпиталях военного времени.

Я ушла из детства в грязную теплушку,
В эшелон пехоты, в санитарный взвод.
Дальние разрывы слушал и не слушал
Ко всему привыкший сорок первый год.

Я пришла из школы в блиндажи сырые,
От Прекрасной Дамы в «мать» и «перемать»,
Потому что имя ближе, чем «Россия»,
Не могла сыскать.

Но так случилось, что Юлия оказалась в составе небольшого отряда, который две недели пробирался к линии фронта по тылам противника. И при переходе фронта юная санитарка получила контузию. Вот реальный прототип для книги. И таких миллионы не придуманных, реальных людей, простых людей, ставших героями.

Именно о них эта книга.

Пролог

Тишину кабинета нарушил шип и последующий за ним «Бом!». Часы начали отбивать очередной час. Комиссар ГБ третьего ранга глянул на циферблат – одиннадцать, как быстро час пролетел...

Очередной документ – стенограмма беседы с лейтенантом Денисовым Андреем Михайловичем, 1921 года рождения, комсомольцем, оперуполномоченный Могилевского отдела НКВД по охране железнодорожных сооружений.

С.: Как начался бой?

Д.: До моста через Усяжу километров пятнадцать осталось, как нас нагнали немцы. Это около девяти часов утра. Четыре мотоцикла, четыре пулемета, а у нас трофейный МГ с одной неполной лентой, мой ТТ да револьвер у Лидочки...

С.: Лидочки?

Д.: Лидии Макаровой, секретаря отдела.

С.: Ясно, дальше.

Д.: Километров десять мы пытались оторваться от немцев. Патроны закончились. Ваня, это водитель наш, уже раненный, все гнал к мосту. Там наши части стояли. Мы надеялись, бой услышат, помогут. Но достали нас пулеметы. Мне в голову чирком попало. Отключился. Прихожу в сознание, вокруг наши бойцы. Мне голову бинтуют. И смотрят настороженно.

С.: Почему?

Д.: Сержант мне тогда пояснил – мол, встречаются переодетые в форму сотрудников НКВД немецкие диверсанты. Даже приметы привел – как распознать.

С.: И какие?

Д.: Сержант сказал – документы, сработанные немцами, ничем не отличаются от наших, за единственным исключением – на подделке используются нержавеющие скобки. У наших скобки ржавеют. Еще сроки выдачи не соответствуют состоянию документа. Я потом слышал, что немецкие сапоги иными гвоздями подбиваются, не такими, как у нас...

Комиссар отвлекся от стенограммы и, взяв карандаш, сделал на чистом листе запись «спецпометки удостоверений», а затем вернулся к чтению.

С.: Что еще сказал сержант?

Д.: Ничего больше не успел – немцы появились. Назвал лишь позывной «Феникс». Дал тетрадь, что была обернута вокруг бутылки с огнесмесью, и с притянутой к ней проволокой РГД-33. Почему так, пояснил – важные сведения, и они к немцам попасть ни в коем случае не должны. Еще сказал – как сержант Давыдов, что с отделением мост восстанавливает, переправит беженцев на ту сторону реки, пусть его взрывает. Потом дал мне трофейный мотоцикл и отправил к мосту.

С.: Хотите сказать, вы выполнили приказ простого сержанта?

Д.: Да, выполнил. В тот момент мне показалось, что сержант из разжалованных.

С.: Почему?

Д.: Уверенный. Рассудительный. Речь правильная, командирская. И еще – он понимал, что погибнет. И весь его взвод тоже, иначе бы не просил взорвать мост. Именно это меня убедило в важности тетради.

С.: Понятно. Что дальше?

Д.: У моста меня встретил сержант Давыдов. Сам мост они частично восстановили и занимались переправой беженцев. Сержант доложил, что он имеет приказ только восстановить мост. Но тут начался бой, и я принял командование. Приказал подготовить мост к подрыву...

Комиссар задумался, затем нашел папку с картами и отыскал описываемое место.

– Так, вот деревня Багута и мост...

Затем нашел другой лист, пробежался по тексту и вновь склонился над картой.

– Так-так...

Встал, прошелся до окна. Чуть сдвинул шторы. Темно.

Итак, имеются две тетради со сведениями о противнике. Написаны разными почерками, что подтверждают специалисты графологи. Экспертиза еще не закончена, но эксперты едины в мнении – обе тетради написаны разными людьми. И достоверно – доставлены из разных мест. Но! Объединяет их текст, в котором подробно описаны эволюции немецких дивизий за несколько дней, с 26 по 30 июня, что подтверждается иными разведданными и сводками с фронтов. И опять – но! Достоверно известно, что обе тетради переданы 27 июня. Дезинформация? Тогда сценарий непонятен. Для чего сообщать о количестве личного состава и технике, а также последующих действиях своих дивизий противнику? Чтобы задействовать какой-то план, исходя из обстановки? Нет, такое слишком сложно предугадать. Однако, как и кто может знать наперед – что и как будет происходить? Может, в немецком генштабе имеется сочувствующий, точнее группа сочувствующих, так как одному такое проверить невозможно? Комиссар мотнул головой – так не бывает. В немецкой контрразведке не дилетанты работают. Организовать передачу сведений таких объемов и нигде не засветиться? Самое интересное – знание предстоящих действий. Такое невозможно, это не шахматная партия. Никак не предугадать, как пройдет операция и как обернется обстановка за три дня наперед. Но тетради это подтвердили! Мистика какая-то!

В животе заурчало, напоминая, что последний раз комиссар ел двенадцать часов назад. Он вернулся к столу и нажал кнопку. Вошел адъютант.

– Чаю покрепче и перекусить чего сообрази, – сказал комиссар сержанту Богомолу, после чего сел за стол и нашел характеристики на фигурантов.

«Ярослав Васильевич Резеда, 1919 года рождения, уроженец Мурманска. Служит с сорокового года. На хорошем счету. Отличник боевой и политической. Отец Василий Макарович Резеда. Врач. Мать Мария Юрьевна Резеда. Медсестра. Оба из рабочих... Закончил семь классов...»

Семиклассное образование никак не вяжется с написанным текстом. По мнению эксперта, писавший имеет инженерное образование. Это опять же предварительное мнение. Кроме того, в тексте встречаются термины, использующиеся при штабной работе. Откуда это у простого сержанта?..

Со второй характеристикой было еще интереснее.

«Маевский Михаил Карлович, 1924 года рождения, студент московского мединститута. Отец Карл Моисеевич Маевский, профессор медицины...»

Если знания медицины Маевским вопросов не вызывают, то откуда студент, не служивший в РККА, знает столько, что оторопь берет. Что интересно, в обеих тетрадях данные о немецких дивизиях и их движении совпадают точь-в-точь. Разнятся лишь в более полном описании конкретного места.

А лекарство взять? Этот самый «Penicillium»? Порученец с копией в институт ездил и поговорил с Бакулевым¹. Так Александр Николаевич после прочтения сильно разволновался. У нас, сказал, исследования идут по антибиотикам, но все не впрок пока, а тут готовый рецепт и технология. Стрептоцид, мол, тут и рядом не стоял. Настойчиво интересовался: откуда это? Хм, самим бы узнать...

¹ Александр Николаевич Бакулев (1890–1967) – советский учёный-хирург, академик АН СССР. С 1926 года — на кафедре хирургии 2-го Московского медицинского института.

Кроме того, порученец выяснил про Маевского. Тут тоже интересная история. В первых числах июня Карла Маевского арестовали по анонимному доносу. Через четыре недели после тщательных проверок Маевского отпустили – не подтвердилось. Но за этот месяц произошли не менее интересные события. Сына Маевского, Михаила, сначала исключили из комсомола, а затем отчислили из института, после чего он пропал и объявился поутру 27 июня в штабе 9-й армии, где и вручил тетрадь генерал-майору Степанову лично.

Потом Михаила Маевского для подтверждения личности доставили в медбат, где он стал помогать персоналу. И по отзыву врача первого ранга Павлова, который, оказывается, хорошо знал Маевских, отлично помогать. Михаил Маевский лично провел несколько десятков операций, спасая жизни наших бойцов. Судя по опросам хирургической сестры и самого хирурга – сложных операций, причем действовал уверенно и профессионально. Практически спас жизнь фельдшеру, а затем самому Павлову, после ранения обоих при авианалете. Затем, при эвакуации раненого хирурга, отвлек внимание противника на себя. Маевский погиб в бою.

Резеда погиб в бою. Оба фигуранта погибли. Тетрадь Резеды доставил лейтенант Денисов. Эвакуацию тетради Маевского обеспечил капитан Перепелкин, передав с тяжелораненым бригадным комиссаром Серебровским. А командующий информацией из тетради воспользовался, кстати, что свидетельствует в пользу достоверности сведений...

Дверь кабинета раскрылась.

– Разрешите, товарищ комиссар третьего ранга?

– Входи, Павел Анатольевич. Можно не чинушничать, – сказал Меркулов.

Следом в кабинет вошел адъютант с подносом, на котором стояли стаканы с чаем и тарелка с бутербродами и печеньем.

– Ты не голоден? Давай перекусим, чем Богомоллов послал.

– С удовольствием, – кивнул Судоплатов, подавив улыбку.

– Как все прошло, Павел Анатольевич? – спросил Меркулов, когда сержант вышел.

– Со Стаменовым поговорил, – ответил старший майор, – но как и когда он до Берлина нашу дэзу донесет, конечно – вопрос².

Комиссар согласно кивнул. Какое-то время они ели бутерброды и запивали их чаем.

– С докладными и сводками уже знаком? – спросил Меркулов, когда с перекусом закончили.

– Так точно. Пока сюда ехал, успел просмотреть.

– Тогда вот, ознакомься, – сказал комиссар третьего ранга, подвигая папки ближе к Судоплатову. – Просмотри быстро и мнение свое выскажи. Подробнее ознакомишься потом. Этим тебе придется заниматься.

Судоплатов принялся изучать материалы, а Меркулов прихлебывал чай, наблюдал за старшим майором. Листы Павел Анатольевич просматривал быстро. Иногда перебирая их, искал уже прочитанные, находя нужные места и что-то сверяя. При этом мимика лица менялась с каждым прочитанным листом.

– Феникс... феникс... – пробормотал Судоплатов задумчиво. – Возрождающаяся из пепла.

– Что? – переспросил Меркулов.

– Феникс – это сказочная птица, которая сгорает, а потом возрождается из пепла.

– Знаю. Что думаешь об этом?

– Что-то мне подсказывает, что о «Фениксе» мы еще не раз услышим. Не зря пока неизвестный источник выбрал себе такой псевдоним.

– Как считаешь – это одиночка, а не группа?

² По поручению Л. П. Берии, Судоплатов зондировал через посла Болгарии условия прекращения военных действий для «дезинформации противника и выигрыша времени для мобилизации ресурсов».

– Однозначно группа. Но судя по содержанию тетрадей, исходит из одного источника. А где исходники?

– В «восьмерке» у экспертов.

– Экспертов?.. – задумался Павел Анатольевич. – Может, продублируем? В МУР свозим, или лучше их спецов к нам вызовем. В МУРе эксперты ушлые, опытные, помогут нашим, быстрее разберутся.

– Можно и вызвать. Ты скажи – что думаешь об этом?

– Сложный вопрос, – ответил старший майор, – тут мистикой отдает. Что одна тетрадь, что вторая... и пока наверх докладывать преждевременно. Тщательнее проверить все надо.

– Вот и проверяй, товарищ старший майор. Нарком собирается создать особую группу при НКВД, а тебя поставить во главе. Цели группы – разведывательно-диверсионная работа. Людей подбери сам. Составь записку необходимого, потом обсудим и к наркому обратимся. Что еще...

– Оповещение особым отделам по Фениксу надо сделать.

Меркулов согласно кивнул и поднял трубку телефона.

– Седьмой, примите для передачи сообщение. Текст – следующий: «Начальникам особых отделов частей и соединений всех фронтов.

Срочно. Секретно.

При проверках выходящих из окружения командиров и красноармейцев, обращать внимание на слово Феникс. В случае упоминания во время допросов – военнослужащих изолировать и незамедлительно сообщить в Главное управление госбезопасности старшему майору Судоплатову. В случае ухудшения обстановки обеспечить первоочередную эвакуацию фигурантов. 30 июня 1941 года.

Заместитель народного комиссара внутренних дел СССР комиссар госбезопасности третьего ранга Меркулов».

Положив трубку, комиссар третьего ранга сказал:

– Материалы эти в канцелярии получишь. Всё, работай.

От Меркулова Судоплатов направился в свой кабинет. Там он по телефону вызвал капитана госбезопасности Маклярского к себе. Только вернул трубку на телефон, как тот зазвонил.

– Судоплатов, – ответил старший майор.

– Это Меркулов, пришло срочное сообщение от Цанавы³. Еще один фигурант и тетрадь!..

³ Лаврентий Фомич Цанава – комиссар госбезопасности третьего ранга, нарком внутренних дел БССР.

Глава 1

Туман медленно таял, оставаясь густым только в распадке. Но и там он медленно растворялся в воздухе, опадая росой на траву. Ночная прохлада уходила, а день вновь обещал быть жарким. Впрочем, спалось хорошо, даже под непрерывные соловьиные трели. Горластые и сейчас не смолкли, лишь к птичьему концерту примешался щебет других пернатых.

Тихо шумел котелок. Угли почти прогорели, курясь еле заметным дымком. Отвар иванчая со смородиновым и брусничным листом был еще горяч, и Семен чуть отставил котелок в сторону – пусть немного остынет. Достал последнюю консерву и вскрыл банку ножом. Завтракать пришлось опостылевшими сардинами в масле. Тушенки бы, но в немецких ранцах были только рыбные консервы. Да и те закончились. И галета последняя.

Пополнить запас продуктов Семен собрался давно, но пока не удавалось – во всех селениях на пути стояли немецкие части. И у самих немцев экспроприировать не вышло – не попадают они поодиночке, все толпами ходят. Уже пару дней Семен к своему рациону добавлял подножный корм. Липы на пути не попадалось, все осина да ольха, а то и вовсе сосняк или ельник. Зато лопуха вдоволь. Жаль, вкус у него не очень. Однако такая диета хоть как-то силы поддерживает. Только застегивая ремень, Семен заметил, что галифе начали провисать. За восемь дней боев, когда поесть один раз в день и то счастье, а тут и вовсе стало хреново с едой. Похудеешь тут всяко. И не только штаны, гимнастерка обвисла, как у пентюха. Хотя обвислость незаметности добавляет, смазывая контур тела. А к маскировке Семен подходил ответственно – прикреплял к себе веточки, к телу, к ранцу, к пилотке. Карабин и тот мешковиной обмотал, оставив неприкрытыми лишь подвижные части. Как-то выбрел на небольшую поляну, а там немцы отдых устроили. Частично спали, но были и бодрствующие. Однако сидели тихо. Семен застыл на мгновение и начал медленно за кусты пятиться. И никто его не заметил. Так что хоть маскировка незатейливая, но действенная, всего лишь правильно веточки расположить. Завяли? Недолго обновить.

Да, мяса поесть бы не помешало. Зверье тут есть и его много. Зайцев не счесть. Изготовить силки не проблема, однако это время терять, а стрелять Семен опасался. Двигался он вдоль дорог, а по ним немцы толпами прут. На ночевку Семен уходил в глубь чащи, утром возвращался. И не от того, что боялся заплутать. В любом лесу Семен чувствовал себя как дома, тайга всему научит, но множество рек и болот к передвижению не располагали. Сырые ноги, если кто понимает. А сапоги одни. Только у одного немца размер подходящий был, у остальных стопа, как у детей, маленькая оказалась, а брать в запас еще пару... Семен предпочел оружие, боеприпасы и продукты. Сапоги следовало беречь. Развалятся, ноги собьешь, а ноги в лесу – первое дело. Можно лапти сплести, но они через версту-другую развалятся. Да и липы почти не встречалось. Поэтому болота обходил, а переправа через реки голышом, заодно и помоешься...

Закуковала кукушка. Семен отхлебнул отвара и в ту сторону посмотрел, недовольно поморщившись.

– Кукуй да на свою головушку, – посоветовал он птице.

Услышать кукушку, находясь далеко в тайге, считалось не к добру. Приметы приметами, но ничего загадывать этой птице, находясь в лесу – не следовало.

Еще глоток отвара. Прихлопнуть комара на щеке. Да, комары вновь объявились. Ночью их в помине не было, а как спал туман, они тут как тут. Что поделать, болото рядом. Муравейник бы отыскать, но для этого надо выше подняться. Не любят муравьи низины.

Всё, пора. Семен осторожно сцедил остатки отвара во вторую флягу. Пусть одна будет с водой, а вторая с отваром. Сложил свой скарб, скатал накидки, что затрофеил у немцев, и

прикрепил к ранцу. Нарезал свежих веточек, укрепил их на своей поклаже, надел на плечи, взял карабин и двинулся в путь.

Муравейник нашелся быстро, стоило только выйти к опушке. Семен достал флягу с водой и кусок ткани, смочил ее и, чуть отжав, расправленную положил на муравьиный дом. Лесные трудяги сразу облепили чужеродный предмет. Выждав несколько минут, Семен перевернул ткань и вновь подождал. Потом стряхнув муравьев, тщательно обтерся. Верное средство – муравьиная кислота имеет сильный запах, теперь комары докучать не будут.

Семен вернулся к дороге. Пыля на всю округу, по ней шла автоколонна. Он уж собрался вернуться в лесную чащу, как проходящая техника закончилась, и Семен заметил в разрыве пыльных клубов авто на противоположной обочине. У легковой машины стояло двое – subtilный немец и офицер. Оба рассматривали пробитое колесо, при этом офицер что-то говорил, очевидно, пенял своему водителю на нерасторопность. Потом он отошел чуть в сторону и посмотрел вслед автоколонне. По досаде, написанной на лице немца, стало понятно, что тот смотрит вслед упущенной возможности на быструю помощь. Значит, что следом никого – дорога пуста. Это шанс!

Семен тихо скинул свою поклажу. Отцепил нож и сунул в сапог. Карабин в руку и тихо подкрасться ближе.

Итак, диспозиция – машина на противоположной обочине. Водитель поддомкратил машину и занимается колесом, под рукой виден только инструмент.

Кобуры у водителя Семен не заметил, наверно, оружие в машине оставлено. У машины туда-сюда вышагивает офицер, и кобура у него на месте. Звание не различить пока – но не ниже обер-лейтенанта. Немец обеспокоенно посматривает на лес по обеим сторонам дороги.

По делу надо быстро завалить обоих. Однако водитель за капотом. Офицер же хоть и бдит по сторонам, более уязвим. Стрелять? Выстрел могут услышать, тогда придется быстро уносить ноги, и прощайте, продукты и карта. У офицера она должна быть.

Надо действовать, пока еще кто не появился, а то вновь ни с чем останешься. Карабин в левую, в правой руке нож. Нож трофейный, но хороший. Семен дождался, когда немец повернется спиной.

Дадах!

Что-то взорвалось в стороне, куда ушла колонна. Оба немца сразу посмотрели туда. Надо действовать, а то всполошатся. Взмах, и нож вонзается в шею офицера. Черт, целил в спину... но и так хорошо, – отмечает Семен, бросаясь следом. Немец валится на обочину, а водитель недоуменно провожает взглядом падение, потом поднимет голову. Бац! Приклад вминает нос в глубину черепа.

Семен выдохнул – от волнения на десяток секунд дыхание задержал, как под воду ныряя. В руках нож – выдернул из офицера, но правки не надо. Похоже, и водитель отъехал в небытие.

Быстрый взгляд вправо-влево – никого. Теперь шустро собрать трофеи. Интересно, что там у немчуры взорвалось? Диверсия? Но взрыв был единичный, и перестрелки не слышно. Но это потом выясним.

Первым делом зольдбухи в карман, снять кобуру офицера, затем быстрый осмотр машины. Негусто – тощий офицерский портфель и ранец водителя.

В портфеле только несколько папок и механическая бритва. А в водительском ранце нашлись упаковки галет и шесть консервных банок. Но радости они не принесли.

– Здравствуйте, сардины! Я по вам так соскучился, – сказал Семен, сатанея, и зло выругался.

Что ни немец, так нормальной тушенки в сухпае нет, или ему только одни рыбоеды попадают?

С продуктами вновь негусто. Из оружия – офицерский «вальтер» и карабин водителя. Кобуру с пистолетом и запасом патронов Семен забрал, водительский маузер был без надоб-

ности, своего достаточно – закинул в лес. Еще четыре гранаты. Куда их? Тех же колотушек полный подсумок. И лишний вес, и бросать жалко. Были бы феньки, то заминировал бы трупы. Тут заметил моток бечевы под сиденьем.

Идея!

Быстрый взгляд под машину. Ага, благодаря домкрату до вала достать можно. Семен отхватил метр бечевы, сунулся под машину и привязал к крестовине вала конец веревки. Потом стянул гранаты бечевой и ей же притянул к серьге рессоры. Выкрутил колпачок у колотушки, вытянул шнур и соединил узлом с бечевой. Собрал её так, чтобы не провисала и могла сходить постепенно, без завязывания. Чуть отошел, одновременно посмотрев по сторонам, глянул – нормально, ни бечева, ни связка не видны. Теперь если машина поедет, вал накрутит на себя бечеву, а та выдернет шнур из гранаты. Четыре колотушки в связке, так рванет – мало не покажется.

То, что немцы приберут транспорт, Семен не сомневался. Машина по нынешним временам вещь нужная, даже легковая, на чем-то же надо начальство возить. Лишь бы при замене колеса гранатную связку не заметили. Послышался рев моторов – очередная колонна идет. Пора делать ноги.

Темп пришлось взять максимальный. Имеются ли в той колонне следопыты или не имеются, но перестраховаться стоило. Отбежав в чашу на версту минимум, Семен сделал привал. Первым делом прополоскал водой рот, но напился он из другой фляги. Отвар хорошо утолил жажду, частично сняв желание перекусить. Есть рыбу? Не-не, потерпим. После сардин пить хочется...

Пока отдыхал, посмотрел зольдбухи. Gefreite Клаус Хаер и Intendanturrat Отто Миллер. С водилой ясно – ефрейтор, а Миллер кто – интендант, что ли?

В портфеле были три папки с бумагами, но они не интересовали. Имелась карта! Вот вещь нужная, пусть трофейная. Пусть все обозначения на немецком. Пусть Семен в нем не силен. Однако прочитав карту можно, жаль только несколько районов на ней отображено. Первым делом определился с местоположением. Ага, через десять километров сплошной лесной массив заканчивался. На пути множество селений и деревень, где можно добыть продуктов. Однако немцев там, судя по знакам, больше чем много. Трудно будет пропитание добыть. И не придется ли вообще обходить этот район? А это минимум полсотни километров плюсом. И еще – по карте до наших километров сто – сто пятьдесят прямым...

Далеко. Семен прикрыл глаза, вспомнив слова комиссара. Все, так как он говорил. Эх, жаль Антона Викторовича. Геройский мужик, не то что иные...

...выломав стенку дровяника, Семен выполз в крапивные заросли. Замер, прислушиваясь – тишина в округе. Сквозь крапиву пробрался до огорода, зажимая в руках две острые щепы. Не ахти какое оружие, но выбирать не приходится. Благо что их в дровянике много.

Послышалось кряхтение, и запах характерный. В дощатом строении кто-то восседал. Семен затаился, стараясь вовремя заметить движение – отсвет от зари только-только позволял видеть что-то. Дверь из «толчка» открылась и вышла фигура. Подробностей в темноте не разобрать. На рукаве белеет повязка, и Семен вспомнил – высокий полицейский им днем встретился. Этот тоже рослый. Он ли?

– Семен! – позвал кто-то от дома шепотом, но достаточно, чтобы услышать.

От неожиданности Семен вздрогнул, но затем понял, что окликнули вовсе не его. Еще один полицейский. Похоже, на пару дежурство несут. Вот и ствол винтовки из-за спины торчит.

– Чё? – спросил высокий.

– Все мучаешься? – тихо хохотнул тот же голос.

– Иди ты! – буркнул высокий в ответ, протянул руку к туалету, и в руках у него оказалась винтовка.

Второй полицейский скрылся, очевидно последовав совету. Семен напрягся. Только высокий забросил мосинку на плечо, как быстрая тень выпрыгнула из крапивы. Зажав рот полицейскому и подбив ноги, осадила его вниз, одновременно нанося удар щепой в шею. Полицейский вскрикнул, рванулся, но Семен его удержал. Затем усадил мертвеца у туалета, снял винтовку и пошарил по карманам. Лишь платок нашелся. Ни спичек, ни табака. Не курит, что ли? Жаль, табачком можно было след присыпать. Вдруг у немцев собаки найдутся?

Ушел огородом, обходя деревню почти по краю пруда. Прокрался вдоль ручейка до родника. Напился вволю, а там, несмотря на темень, нашел место их дневки. У пня немного посидел не двигаясь – колотило. Нервы не железные, по «краю» ведь прошел. Когда руки перестали подрагивать, открыл затвор винтовки и попытался понять – заряжена ли? Три патрона! Негусто. Да, щедры немцы для холуёв своих. И вообще, повезло, что часового прихватило. Вдруг он свой пост в огороде имел?..

Что делать дальше? Комиссар не приказывал напрямую, просто сказал – уходи...

А как тут уйти?

Семен понимал, что немцы его будут искать, не настойчиво, но будут. Иванцов прав, надо уходить, но просто уйти Семен не мог...

Немцы появились, когда в лесу стало светло. Двое солдат крались по лесу аккуратно по следам Семена. Те же самые следопыты, что вчера всех пленили. Сторожко идут, прикрывая друг друга. Семен пропустил их мимо, выжидая – не идет ли кто еще? Но преследователей было всего двое. Что ж, нам легче. В тайгу бы вас...

Немцы дошли до пня, один присел, рассматривая развороченный тайник, второй внимательно осматривался. Присевший рассмотрел уходящие в чащу следы и показал знаками направление, второй кивнул. Купились. Не зря Семен их отчетливо проложил, делая большую петлю. Пусть считают, что русский недотепа сейчас чешет по лесу во все лопатки.

Немцы медлили. Ясно, что решают – продолжать преследование или не стоит? Тот, что присел, покачал головой и махнул в сторону деревни. Оба расслабились, маузеры забросили на плечо, закурили. В этот момент Семен скользнул к толстой сосне, сжимая винтовку и щепу. До врага несколько шагов. Один бросок и... жаль, нормального ножа нет.

– Was sagen wir Lehman?

– Und sagen wir-ist gegangen. Was ist der sinn hinter diesem «Ivan» zu laufen?

– Das ergibt keinen sinn⁴.

Семен вслушивался в их диалог и жалел, что толком не учил немецкий. Ясно, что по следу они идти не собираются, и теперь обсуждают – что и как докладывать начальству. Наконец немцы докурили, аккуратно затушили окурки и двинулись обратно. Семен вжался в сосну, тропа проходила рядом, теперь – или-или...

Солдаты шли один за другим, тихо переговариваясь, а Семен медленно смещался, прячась за сосну. Вот они проходят, и он у них за спиной.

В последний момент немец оглянулся, видно почуяв опасность. Семен ударил его в спину ногой, схватив маузер за шейку приклада. Тот хекнул и повалился вперед. Передний солдат развернулся прыжком, скидывая карабин с плеча, но тут в шею воткнулось что-то острое. Брызнула кровь. Немец выронил карабин и зажал рану ладонями, а перед ним лежал его камрад и боролся с оседлавшим его русским. «Иван» как-то умудрился перекрутить ремень маузера и теперь им же душил хозяина. А в руке «Ивана» зажата острая окровавленная деревяшка. Надо камраду помочь – солдат потянул свой нож, но в глазах потемнело, рука ослабела, и нож выпал...

Щепу прошлось бросить – мешала. Этот немец умирать не хотел. Придушить не удалось, ремень на шею перебросить не успел – отвлекся на удар в шею второму немцу. Петля

⁴ – Что скажем Леману?– Так и скажем – ушел. Какой смысл за этим «Иваном» бежать?– Смысла нет.

перехватила подмышку и шею. Семен только и успел пару раз крутануть ремень. Немец хрипел, не давал докрутить и пытался дотянуться до своего ножа. Сильный, сволочь. Еще чуть-чуть и вывернется. Семен скрипел зубами, косясь на щепу – далеко. Тут почти рядом воткнулся нож...

Руку саднило. Сердце казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Семен навалился на убитого, сил сползти не было. Взглянул на руку с зажатым ножом, костяшки сбиты и сочится кровь. Бил клинком прямо в лицо, куда ни попадая, об каску сбивая кожу. Еще чуть и немец бы вывернулся, а там кто знает, кто кого? Хорошо, шедшему впереди удачно попал, тот сдох тихо, а то...

Пересиливая себя, поднялся. Взгляд наткнулся на флягу. Отцепил, снял крышку, глотнул. Во фляге оказалось немного шнапса. Слабоват, но помог – отлегло. А теперь надо шевелиться – за полиция немцы пару солдат отправили, а за своих убитых всем батальоном по следу пойдут. Первым делом Семен вынул и раскрыл зольдбухи. Гефрайтер Хубер и шютце Майер. Откуда вы такие прыткие? Плевать. Теперь тут гнить будете.

Поначалу хотелось забрать все, но потом включился разум. Сложил необходимое в один ранец – зольдбухи, документы комиссара, пайки, белья комплект. Боеприпасы в подсумках, гранаты... карабины забрать оба, только один по дороге выбросить. И переобуться надо, а то ботинки окончательно развалились. Но сапоги только одни по размеру подошли...

Деревню Семен обошел по большой дуге. Помня о возможном преследовании, нашел муравейник и поворошил ногами, чтобы собак со следа сбить. Потом старался идти, не оставляя следов, и когда деревню огибал, если еще муравейник попадался, повторял процесс. А потом он увидел, как куда-то пленных повели. Среди немцев выделялся один в черном мундире. Он и командовал...

Было острое желание перестрелять сволочей, особенно Ушакова. Ненависть нахлынула как взрыв, до зубного скрежета. И тот урод в черном. Эх! Антон Викторович... Гитлер покончит с собой?

Семену показалось, что он расслышал последние слова комиссара...

Воспоминания тяжелы, но такое не забудешь. И он дойдет. Обязательно дойдет.

Кобуру Семен на ремень пристроил и чуть за спину сдвинул, чтобы не мешалась. Бумаги интенданта сунул в ранец, а пустой портфель повесил на сучок. Жаль бросать, но и так вещей много.

Где-то бабахнуло. Хорошо бабахнуло, гулко. Ага, вот и подарочек сработал. Настроение улучшилось.

– Как говорится, пуля дура, а фугас молодец! – прокомментировал это событие Семен.

Щедро глотнул отвара, забросил карабин на плечо и в путь...

Завал в лесу миновать не вышло. Поваленные ветром деревья образовали непроходимое препятствие, вдобавок густо оплетенное ежевикой. Семен выдвинулся ближе к дороге. Наблюдал час. По краю не проскочить – немецкие батальоны расположились по обочинам, пропуская танки и машины. Техника шла непрерывным потоком, и Семен решил обойти завал южнее, но через километр уперся в болото. Срубив слегу, померил глубину в ближнем «окне». Жердина ушла почти вся. Глубоко тут. Обходить препятствие по трясине он не решился. Ухнешь в такое вот бездонное и квакнуть не успеешь.

Двинулся вновь вдоль завала, но не спеша и высматривая возможный путь. Еле различимая тропа нашлась, больше похожая на узкую пещеру в скале. Пока продирался, видел на острых ветках нитки и кусочки ткани. Кто-то уже пролезал. Наверняка такой же окруженец. Догнать бы.

Путь через ветровал отнял все силы. Вода закончилась, и надо было искать родник или ручей, чтобы набрать воды, кроме того, необходимо подкрепиться, пусть уже опостылевшими сардинами.

Пока шел, выискивая родник, наткнулся на смородину. Ягоды на ней были мелкие и неспелые, зато лист необычайно душист.

Семен набрал листьев для отвара и сложил их к уже сорванным листьям малины и иван-чая.

Наконец нашелся ключик с удобным откосом. Семен сбросил ранец, наклонился к роднику, набрал воды в ладони и напился. Повторно набирая ладонями воду, кое-что заметил. Он отодвинул свесившийся травяной пучок – у самой кромки воды обнаружился след. Каблуковая часть отпечатка размыта водой, однако носочная выделялась четко. Похоже на след от немецкого сапога. Семен поставил ногу рядом и надавил. Ну да, такой же рисунок. Немцы тут шли? Сомнительно. Не тот ли окруженец в трофейной обуви, что продирался сквозь ту же нору в завале? Отпечаток недавний, кстати. Прошел час или чуть больше. Догнать? Решено!

Семен напился вволю и наполнил обе фляги водой, а поесть можно позднее. Может, из провизии чего добыть удастся...

Теперь Семен шел, внимательно высматривая следы. Этот кто-то или знает – как ходить по лесу, или удачно шел, ибо больше отпечатков не обнаружилось. Направление угадывалось лишь по чуть примятой травке и веточкам. Через версту смешанный лес сменился на сосновый, правда, с еловым подлеском. На усыпанной иголками земле следы высматривать стало сложнее.

Пахнуло жильем. Дымом и еще чем-то мясным. Живот тут же отозвался бурчанием.

Подойдя еще немного, Семен услышал крики. Немцы? Прислушался. Нет, говорят по-русски и матерятся. И женские голоса вроде.

– Будьте вы прокляты, сволочи!

Бах! После выстрела кто-то надрывно закричал. Бах! Крики смолкли. Кто-то выматерился. Семен приготовил карабин и подкрался ближе. Вглядываясь сквозь ветки, увидел, как в дом заходит мужик с мосинкой в руке, а на рукаве повязка белая. Опять эти прихвостни немецкие. Откуда только сволочи повылезали?

На хуторе на пару хат, с пристроями, хозяйничали полицаи. Немцев не видно. Вон у дома лошадь, запряженная в телегу, стоит. Не ездят немцы на телегах. На «цундаппах» своих прикатали бы. Значит, тут только полицаи. Человек пять-шесть. Расправляются с неугодными, ну и грабят заодно.

Судя по двум телам посреди двора – лежат хозяин с хозяйкой. Это их застрелили минуту назад. Из сарая слышалась какая-то возня с рыданиями. И в домах наблюдалось шевеление.

Вдруг Семен почувствовал пристальный взгляд. Насторожился и отступил в ветви. Но взгляд не от домов. Вроде вон там кто-то...

В кустах точно кто-то стоит. И явно не полицай. Этот кто-то отступил от кустов, намеренно показываясь Семену. Ага, вот они, сапожки-то немецкие. Галифе и гимнастерка, и петлицы сержантские. Сержант приветственно кивнул и усмехнулся. Затем качнул мосинским карабином на хутор и знаками показал – наблюдаем. Семен улыбнулся в ответ и кивнул – сержант прав, сначала дело.

Из сарая по-прежнему слышалась возня и надрывное рыдание.

– Ай! – вскрикнули в сарае. – Сука краснозадая! Кусаться?! Стой!

Из створа выскочила девушка в разорванном платье и кинулась бежать к кустам, где притаился Семен. Следом, поддерживая штаны, выбежало двое полицаев.

– Стой! Не уйдешь!

Открылась дверь и из дома вышел полицай, которого Семен недавно видел. Тот заржал, глядя на путающихся в штанах подельников.

– Только назад приведите! – крикнул он с крыльца. – Не только вы сладеньким побаловаться желаете.

Семен уже сбросил ранец и приготовил нож. Поправил кобуру с «вальтером», чтобы сподручнее было выхватить, если придется, но стрелять только в крайнем случае. Этих сле-

довало брать тихо. Хрен его знает – сколько полицаев в домах имеется. Лучше не рисковать. Бросил быстрый взгляд на соседние кусты. Сержант присел, в руках клинок блестит.

Девушка промчалась мимо кустов, обогнула их и заметила притаившегося человека. Испуганные глаза еще больше расширились, ноги подогнулись, и она упала.

Семен приложил палец к губам, затем показал рукой за куст и почти беззвучно, лишь губами добавил:

– Свои. Спрячься.

Полицаев перехватили тихо. Они и пикнуть не успели, как их взяли в ножи. Почти синхронно Семен с сержантом вогнали полицаю клинки. Секунды судорог и тела опущены на землю. Семен вытер клинок об рубаху убитого и посмотрел на сержанта, а тот на Семена.

– Ну, здравствуй, Михалыч! – радостно прошептал сержант.

– Здорово, Савельич!

Крепко обнялись. Сержант отстранился, посмотрел на Семена, на его петлицы.

– Так простым и ходишь, Ваня?

– Так и хожу, Миша.

– Сноровки, вижу, не потерял.

– А то! Это ты через бурелом лез?

– Я, – отвечает сержант, и его взгляд скользит за спину Семена, и тот оборачивается. Девушка сидит, зажав руками рот, в глазах ужас плещется – родных убили, саму чуть не изнасиловали, на глазах двух человек зарезали походя...

Семен подошел к девочке. Да, это еще девочка. Лет четырнадцать-пятнадцать. На Машутку похожа чем-то...

– Свои мы, дочка, – зашептал Семен, присаживаясь рядом, – свои. Ты не кричи только.

– Я... – всхлипнула девочка, – они... маму и папу убили. Тетю и сына её тоже... а меня... меня...

– Все-все, не плачь, ничего они больше не сделают. Тебя как зовут?

– Ан... Ан...

– Анна?

– Н-н-нет, Ан...

– Антонина? – догадался сержант.

Девочка, всхлипнув, кивнула.

– Слушай внимательно, Тоня, – сказал Семен, – ты сейчас успокоишься и расскажешь нам – сколько их и почему они с вами так.

В последующие пять минут Семен и сержант слушали сбивчивый рассказ девочки, не забывая поглядывать за обстановкой на хуторе. Остальные полицаи пока не появлялись.

Из рассказа стало известно – на хуторе жили две семьи. У соседей, дядя Матвей, красный командир, в финскую погиб. А у них два брата в Красной армии. Полицаи об этом знали, вот и приехали мстить. Явилось шестеро. Всеми заправлял Першин. Это он в родителей стрелял. В доме сейчас самогон пьет. Что с тетей и бабушкой Дусей, она не знает.

Сержант и Семен переглянулись.

– У тебя родственники еще есть?

– Тетя в соседней деревне живет.

– Хорошо, ты вот что, дочка, ты тут посиди. Ладно? И не бойся, мы управимся быстро.

К дому они подкрались вдоль сараев. Из хлева протяжно мычала корова. От другого отвечала еще одна. Или не доены, или есть хотят. Страдает скотинка. Между сараями и хлевом наткнулись на два трупа. Пожилых женщин просто прирезали...

Тут они разделились – сержант остался контролировать двор, а Семен обошел снаружи и затаился у туалета. Это место из домов не просматривалось. Но к крыльцу придется мимо окон идти.

Вдруг дверь распахнулась, и с крыльца скатился мужик, которого Семен видел накануне. Теперь он был в одной рубаше и штанах, которые на ходу расстегивал, семена к туалету. Семен принял к стене сарая. Полицай схватился за веревочную петлю, служившую ручкой, но распахнуть створку не успел. Семен пережал рот, подбил ему ноги и упер клинок в шею.

– Тихо! – шепнул в ухо.

Послышались характерные звуки и гадостно запахло.

– Обделался, сука? – прошептал Семен, чуть отстраняясь, но усиливая нажим острия в шею.

– М-м-м...

– Не дергайся! Остальные в доме? Вместе сидят?

Полицай замычал, интенсивно кивая.

– Очень хорошо!

Клинок вошел в шею. Тело дернулось. Еще один звук из штанов...

– Погань! – сплюнул Семен, обтирая нож об рубашу. – Жил, как дерьмо, в дерьме и сдох.

Он маякнул сержанту. Пока тот пробирался к туалету, подкрался к дому и осторожно заглянул в окно. Точно – за столом сидит троица. Пьют, закусывают. Удивительная беспечность. Считают – они в немецком тылу, так управы нет?

Появился сержант, покосился на труп, поморщился.

– Все в доме, – сообщил ему Семен.

Прижимаясь к стене, прокрались до крыльца. У двери замерли. Сержант кивнул, и Семен взялся за ручку, быстро распахнул дверь и, пригнувшись, проскользнул в темные сени – тут никого.

На двери в горницу петли накладные, значит, она открывается в сени. У двери прислушались. Полицай о чем-то спорят. Переглянулись, кивнули. Распахнули дверь и ворвались.

Стол стоял в «красном» углу, полицай за ним изумленно уставился на вошедших. Два стакана с мутным самогоном и кружка у правого замерли на полпути.

– Не двигаться!

Правый выронил кружку, потянулся к винтовке у стены. Левый тоже дернулся.

Бах! Бах!

Выстрелы «вальтера» и нагана почти слились. Правый свалился у стены, оборвав оконную занавеску. Левый сполз под стол. Сидевший в центре побледнел, медленно поставил стакан на стол.

– Фамилия?! – рявкнул сержант.

– Першин... Иван...

– Смотри-ка, как сложилось! – хмыкнул Семен, обыскивая полицая. Изъял револьвер и винтовки убрал к двери. Еще подумал было девочку позвать. Пусть посмотрит в глаза убийце её родителей, да решил – не стоит. Через окно он увидел, что Антонина у тел родителей сидит. Плачет.

– Пытать будете? – спросил полицай.

Бледнота с него сошла. Смотрит угрюмо.

– Ты, сволочь, себя с нами не равняй! – сказал зло сержант. – Хотя просто убить тебя мало.

– На кол бы посадить, – процедил Семен. – Чтоб долго сдыхал.

Першин вновь побледнел, но быстро оправился и рванул рубашу:

– На, на, стреляй, сволочь краснопузая!

– Ишь, как запел, – усмехнулся сержант, – герой-дешевка!

– Сам к немцам пошел?

– Сам. Ненавижу вас всех.

– А причина? – спросил Семен. – Мне вот очень интересно узнать, за что?

– За отца, убитого активистами в тридцатом. За братьев, умерших в голод. За все отобранное добро! За...

– Добро, говоришь?! – перебил сержант, бросив быстрый взгляд на Семена. – А теперь чужой кровью плату берешь, сволочь?

– Да, кровью! – выкрикнул Першин. – Вашей, краснопузой. Всех бы вешал да расстреливал. Ненавижу!

– Хватит! – рявкнул Семен. – Вставай.

Першин схватил стакан и лихо отправил самогонку в рот. Одним глотком. Поставил, занюхал рукавом, начал вставать и неожиданно рванул стол вверх и от себя. Стол сбил с ног сержанта, а Семен успел отпрыгнуть к окнам. Першин надвигался на Семена. В правой руке держит нож.

– Давай! – ощерился Семен, вынимая трофейный клинок.

Он легко уклонился от взмаха, отбив руку и проводя своим клинком по низу живота полицая. Успел обратным движением полоснуть вдоль бока и отскочить. Першин развернулся, схватился за бок, посмотрел на окровавленную пятерню, взревел, кинулся на Семена. И упал через шаг. Завыл, путаясь в выпавших потрохах.

– Ненави-и-ижу-у... суки...

Начал ползти к Семену. Бах! Это в голову ему выстрелил сержант.

– Оплошал, Михайлович, – покачал головой он, – ой оплошал. Как же ты нож-то упустил?

– Нет, Савельич. Нож я намеренно оставил.

– Зачем? – изумился сержант.

– Чтоб нападение спровоцировать. Хотелось в схватке его зарезать. Да так, чтобы сдох больше. Я ему дал шанс – забоялся бы за нож хвататься, просто пристрелил бы, а так... – Семен вздохнул, – война будет долгой, Миша. Еще успеем озвереть.

– Это выходит, я оплошал, от мучений его избавив? – хмыкнул сержант. – А откуда про долгую войну знаешь?

– А ты подумай, – сказал Семен. – Сам поди видел – сколько войск к фронту идет, и где этот фронт сейчас, ты тоже знаешь. Командирскую планшетку я у тебя видел.

– Да, тут ты прав... года четыре... – тут сержант осекся и сменил тему. – Надо уходить. А ну сюда еще полицайи явятся, да с немцами.

Из хлева вывели лошадь и запрягли в телегу. На телегу полицаяев сложили убитых и накрыли.

Во вторую телегу натащили провизии. Часть сложили в свои ранцы и мешки. Остальное девчонка тетке отвезет. Сама Антонина быстро собрала свои вещи и теперь ждала у телег, пока красноармейцы отгаскивали трупы полицаяев в близлежащий овраг. Жаль, до болота далеко, утопить бы их там...

Через полчаса две телеги с привязанными к ним коровами уходили в глубину леса.

Глава 2

На столе лист с записями в квадратиках, от которых тянутся стрелочки. Схема выстраивалась сложная. Вроде каждый элемент с фактами вполне логичен, даже совместно с другими фактами. А возьми все вместе – не сходится. Понятно, что чего-то не хватает. Того, что скрепит всю схему, сделает понятней, логичней. Маленького винтика, но важного и незаменимого. Именно его не хватает. Где искать этот фактор?

Старший майор гипнотизирует лист, пытаясь понять направление поиска, и вдруг замечает, что нарисованная им схема неожиданно обрела контур знака вопроса. Символично. И понизу выстроились вопросительные знаки. Некоторые дополнены восклицательным...

Всю ночь Судоплатов просматривал документы. Читал копии записей, сверял со сводками. Пытался анализировать. Строил схемы, но все упиралось в один большой вопрос – как? Как свести все факторы в логичную схему?

Кто может владеть такой информацией – предположить можно. Об источнике тоже варианты имеются. Но как можно знать точно, что все произойдет именно так, а не иначе? Достоверно известно время и дата передачи обеих тетрадей. Как объяснить точные действия противника, описанные в тетрадях после известной даты? Провидец какой-то писал, но это мистика и не вариант. В какой-то коварный план немцев тоже не верилось, смысл теряется. Тогда что?

Старший майор каждый раз возвращался к стенограмме беседы с лейтенантом Денисовым. «Резеда тетрадь мне передал около десяти двадцать седьмого...» Двое суток прошло, как лейтенант добрался до особого отдела армии. Как пояснил лейтенант, после подрыва моста, вместе с отделением сержанта, пару часов держали оборону, пока немцы не организовали артиллерийский обстрел и авианалет. Пока добирались до своих, Денисов никому тетрадь не показывал, гранату и бутылку не вынимал, что подтверждают опросы бойцов отделения сержанта Давыдова. Капитан Жаринов, начальник особого отдела, организовал эвакуацию...

С тетрадь от Маевского немного сложнее – имеется рапорт капитана Перепелкина и стенограмма краткой беседы с бригадным комиссаром Серебровским. Краткой из-за тяжелого ранения, врачи не дали много вопросов задать. Но комиссар утверждал, что Перепелкин передал документ лично, а сама тетрадь получена тоже двадцать седьмого в восемь утра.

Судоплатов нарисовал очередной знак вопроса, добавил пару восклицательных, подавил очередной зевок, потер лицо и продолжил рассуждать. Передача тетрадей случилась почти в одно время, но в разных местах. В обоих случаях фигуранты погибли. Были ли знакомы Резеда и Маевский – выясняется. Эксперты-графологи дали предварительные выводы – тетради написаны разными людьми. Причем людьми с высшим образованием, а в случае с Маевским двумя минимум. Кроме медицинского, технология производства, а еще военное, кроме того, предположительно, филологическое. С последним предположением пока вопрос – но с привлечением специалистов МУРа, решится. И еще одно, что объединяет обе тетради – псевдоним «Феникс». Почему неизвестный источник выбрал такой позывной? По полноте и методу передачи больше «Сирин» подходит. Хотя в мифологии Судоплатов был не силен.

Наконец старший майор не выдержал – глаза буквально слипались. На часах пятый час доходит, а в восемь совещание у наркома. Меркулов сообщил, что как раз доставят третью тетрадь от Феникса. Если успеют, то сделают копии для анализа, а исходник направят на экспертизу. Судоплатов устроился на кушетке и закрыл глаза. Пара часиков имеется. Выспаться не выплещешься, но хоть бодрее будешь...

Недолгий сон прибавил бодрости. После умывания небольшой завтрак – чай с печеньем и к наркому.

Перед дверью стоял Меркулов. Вид имел бодрый.

– Глаза красные, Павел Анатольевич, – сказал, поздоровавшись, комиссар третьего ранга. – Поспал ли?

– Удалось вздремнуть пару часов. Работал бы и работал – что не документ, то вопросов ворох.

– И много вопросов наработал?

– Целый сундучок, точнее большой сундук.

– А ключика к сундуку не подобрал? – хмыкнул Меркулов. – Я тоже всю ночь голову ломал, но ребус не раскусил. Ничего, может, с третьим «посланием» намеки на источник найдутся.

Комиссар третьего ранга глянул на часы.

– Пора, – сказал он и открыл дверь.

В приемной сидело трое – два капитана госбезопасности и пехотный майор, но Судоплатову был знаком только один – капитан госбезопасности Лукин. Меркулов, очевидно, знал обоих, так как кивнув Лукину, он шагнул ко второму капитану. Тот тоже вскочил.

– Иван! – и Меркулов крепко пожал тому руку. – Какими судьбами?

– Служебными, Всеволод Николаевич, служебными! – радостно сообщил капитан.

– Знакомся, Павел Анатольевич, это мой давний друг – Иван Савельевич Горянников.

Но знакомству помешал секретарь, пригласивший всех, кроме пехотного майора, пройти к наркому.

– Проходите, товарищи, садитесь, – сказал Берия.

Судоплатов сел рядом с Меркуловым, напротив сели Лукин и Горянников. Перед каждым лежали папки с документами.

– Для начала хочу представить капитана госбезопасности Горяникова Ивана Савельевича, – сказал Берия. – Есть мнение, направить его для работы в вашу группу, товарищ Судоплатов.

Старший майор кивнул.

– Тогда начнем, товарищи, – нарком раскрыл папку. – Итак, на повестке сообщения от неизвестного источника под псевдонимом «Феникс». На данный момент имеется три послания от этого источника. С первыми двумя вы ознакомлены. Перед вами папки с копиями, снятыми с тетради, переданной капитаном Жуковым, командиром разведбатальона. Прошу просмотреть листы с первого по девятый номер.

Некоторое время все читали, перебирая листы, лишь Лукин просто сидел. Судоплатов понял, что именно он доставил третью тетрадь и с её содержанием знаком.

– Прежде чем высказывать предположения по информации из третьей тетради, – сказал нарком, когда все закончили чтение, – товарищ Меркулов, доложит по первым двум.

Комиссар ГБ третьего ранга поднялся.

– Начну с тетради Маевского. Передана утром 27 июня лично в руки командующему генерал-майору Степанову Александру Михайловичу. Содержит общую информацию по всем фронтам на несколько дней – с 27 по 30 июня. В ней имеются данные о противостоящих силах противника, количестве личного состава и техники, звания и ФИО командующих от полка и выше. Кроме того, имеется описание так называемого плана «Барбаросса», или директивы номер 21. Отдельно от этой информации имеется описание технологии производства лекарства с названием *Penicillium*.

– Тетрадь Резеды тоже передана утром 27 июня, – продолжил комиссар ГБ третьего ранга. – Содержит аналогичные сведения, что в тетради Маевского, включая описание директивы номер 21. Там же описание признаков подделки наших документов и сведения о батальоне «Брандербург-800». Обе тетради объединяют – дата и время передачи и наиболее полные сведения о силах вермахта в местах передачи. Объединяет стиль написания. И самое основное,

обе тетради подписаны одним псевдонимом – «Феникс». Доподлинно известно, что в обеих тетрадях после передачи ничего не изменялось и не дописывалось.

– И последнее, – Меркулов сделал паузу, – все сведения из тетради тщательно проверялись. На девяносто процентов имеются подтверждения. У меня всё.

– Хорошо, товарищ Меркулов, – кивнул Берия, – садитесь. Теперь вы, товарищ Лукин. Начните с... вашего приезда в дивизию.

Лукин поднялся и начал доклад:

– Утром 27 июня мы прибыли в расположение дивизии. Для выполнения приказа была необходимость в усилении, так как после боя группа потеряла почти весь состав. С этим вопросом я обратился к полковнику Скоробогатову. Командир дивизии пошел мне навстречу и выделил командира разведбатальона Жукова с бойцами. Кроме него в группу я взял майора Крамаренко, командира сто сорок девятого разведбата. В штабе дивизии мне передали трофейную карту с документами оберст-лейтенанта Йохана Ритгена, которого захватил капитан Жуков, вместе с картами он передал пояснительную записку в тетради. Я успел прочитать только первые листы, которые содержали описание действий противника. Отметил – краткость, точность и вполне разумные выводы с пояснениями, согласно трофейной карте. Далее читать времени не было. В Зельву как раз вошли немцы, и группе пришлось поторопиться. К спецвагону направились майор Крамаренко и капитан Жуков, имеющие опыт минирования. При закладке зарядов произошло столкновение с противником, и капитан Жуков был тяжело ранен. Он остался, чтобы подорвать заряд, и обеспечил уничтожение спецвагона. Вернувшийся Крамаренко передал слова капитана Жукова, дословно – Феникс возродится. Как случилась возможность, я просмотрел тетрадь подробнее и обнаружил там этот псевдоним. По опросам сослуживцев, характеризующих капитана Жукова с положительной стороны, подтверждаю – тетрадь написана лично капитаном. Большинство его уцелевших бойцов видели, как он работал над записками. Писал не задумываясь, от чего можно предположить – четкое знание изложенной информации.

– По содержанию тетради. Подробные действия противника в районе Гродно и общие по фронтам. Исходя из доклада товарища комиссара третьего ранга, эти данные тоже можно считать подтвержденными. Так же, как и в других тетрадях, имеется директива номер двадцать один, именуемая план «Барбаросса». Общие положения так называемого «плана Ост», некоторые иные рекомендации. Особый интерес представляет рекомендация по противовоздушной обороне городов, особенно по городу Горький.

– Лист номер одиннадцать, – сказал Берия, прерывая Лукина, – прочитайте, товарищи. Особое внимание на последний абзац.

Судоплатов нашел нужный лист и принялся читать.

«Важно! Так как заводы города Горький обеспечивают РККА до 30 % техникой и вооружением, заводы города и прилегающие предприятия, такие как Горьковский автомобильный завод, заводы Сокол, Красное Сормово, Двигатель Революции, находятся в приоритете на удар авиации люфтваффе. Прописано в директиве № 21 план „Барбаросса“ пункт № 4. В конце августа – начале сентября немецкая авиация совершит разведывательный полет для авиасъемки объектов военной промышленности города. Авианалеты начнутся по достижении оптимальной дальности авиации противника. Рекомендую провести более детальные мероприятия по маскировке объектов, а также качественное и количественное усиление ПВО города Горький и предприятий города Дзержинск. Кроме того, в самом городе будет действовать группа нелегалов, работающая на абвер. Не исключена передача

сведений немецкой разведке о точном расположении предприятий и наведении сигналами самолетов противника при авианалетах».

После прочтения Лукин посмотрел на наркома, Меркулов задумался, а Судоплатов и Горянников принялись что-то интенсивно черкать на листочках. Ясно, что необходимо провести жесткие мероприятия по выявлению вражеской агентуры. Насторожило другое.

– Какова дальность немецких бомбардировщиков? – спросил комиссар ГБ третьего ранга.

– Максимальная – до трех тысяч, – ответил Горянников. – Но это общая дальность без груза. Точка возврата – полторы тысячи. С бомбовой загрузкой гораздо меньше, плюс время на бомбометание. Выходит что-то около семиста-восьмиста километров.

– Это же... – Меркулов не договорил.

– Получается по прогнозу Феникса, – продолжил Судоплатов, – в начале сентября фронт будет проходить через Смоленск – Брянск?

– Выходит, так, – кивнул нарком. – Возникает вопрос, что некие товарищи, скрывающиеся под псевдонимом «Феникс», не верят в силу Красной армии? Стоит ли доверять такому источнику?

На некоторое время воцарилась тишина.

– Считаю – стоит! – решительно сказал Судоплатов. – Во всех трех посланиях все факты были подтверждены. И немцы действовали согласно записям. Несли тяжелые потери. При таких условиях все подозрения на отвлечение нашего внимания от чего-то – бессмысленны. А раз прогнозы Феникса сбываются, то не верить нельзя. Зная предстоящие события, мы можем предотвратить наши возможные потери и нанести свой удар. К дополнительным сведениям, таким как улучшение ПВО советских городов, необходимо отнестись крайне внимательно. Это касается и иных вопросов по Фениксу.

– Хорошо, – кивнул Берия. – Я с вами согласен. Теперь насчет «иных» вопросов. Возьмите и прочтите лист номер 12.

Присутствующие перебрали листы в папках, нашли нужный и принялись за чтение.

«4 августа 1941 года состоится совещание командующих и начальников штабов вермахта. Совещание пройдет в Старо-Борисово, в бывшей усадьбе великих князей Романовых. На совещании ожидается присутствие Гитлера. Он считает знаковым проводить совещание в доме, где ночевал Наполеон накануне Березинской переправы в 1812 году. Перед посадкой на аэродроме города Борисов самолет рейсхканцлера совершит облет города Минск. Точное время облета и посадки – не известно. Точно известно – перед совещанием запланирована встреча с военным атташе императорской Японии».

После прочтения Судоплатов даже немного вспотел – какая информация! Боковым зрением отметил мимику капитана Горяникова и комиссара третьего ранга. Если Меркулов держал покерфейс, то капитан зловеще улыбался. Наверно, представляя, как он лично уничтожает Гитлера. Хм, сам бы не отказался. Павел Анатольевич вернулся к чтению.

«Информация без подтверждения – планируется покушение на рейсхканцлера. Инициатор генерал-майор, 1-й офицер Генерального штаба, в штабе группы армий „Центр“ Хеннинг фон Тресков».

Тоже интересный момент. Надо будет подумать – как таковой факт использовать?

«14 августа 1941 года запланировано посещение рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером города Минск. Гиммлер прибудет в Барановичи, в сопровождении Карла Вольфа. Из Барановичей кортеж Гиммлера проследует через Ляховичи в Минск. Гиммлер проинспектирует концлагеря и гетто для

евреев. Посетит картинную галерею и оперный театр. Не упустите такие возможности!»

– Неожиданный поворот, – резюмировал Меркулов. – Похоже на медовый пряник из ящика Пандоры...

Присутствующие с этим согласились.

– Очень точное определение, Всеволод Николаевич, – покачал головой Берия. – Сведения горячие, я бы сказал. И поверить сложно, и игнорировать нельзя.

Повисла пауза.

– Такую возможность нельзя упускать! – воскликнул Горянников.

– Ты, Иван Савельевич, не горячись, – поднял руку Берия. – Это еще проверить надо.

– Как проверить?

– Хм... – нарком развел руки. – Но согласен, – упускать нельзя. Необходимо все тщательно взвесить. Просчитать последствия. Однако работу по «рекомендации Феникса» следует начать сразу.

– Тут малой группой не обойдешься... – задумался Меркулов.

– Забросить несколько групп, – сказал Лукин.

– Забросить можно. И нужно! Нужно подобрать надежных людей с диверсионной подготовкой, знанием языка и привычками, чтобы не выделяться на общем фоне. Много ли у нас найдется бойцов с такими требованиями?

– Можно привлечь армейцев, военных переводчиков, спортсменов в конце концов, – перечислил Горянников. – Доучить, доподготовить...

– Необходимо учитывать, – сказал Лукин, – что охранять Старо-Борисово будут плотно. Наверняка служба безопасности возьмет под контроль все войска в округе. И если до начала совещания немцы что-то заметят, то самолет Гитлера просто вернется в Берлин. И у Гимmlера тоже охрана будет достаточной.

– В любом случае для тщательной подготовки очень мало времени, – сказал Меркулов.

– А если сбить самолет Гитлера?

– Тут встает вопрос времени с конкретикой – когда, где, какие силы привлечь? – ответил Лукин. – Да, цель для любого пилота вкусная, и наши соколы не пожалеют жизни за нее. Тут не один истребительный авиаполк положишь – цель оправдаешь. Или собрать авиагруппу для налета на Старо-Борисово. Но повторюсь – когда, где и как.

– Пусть это будет резервный вариант, – сказал Берия. – Но проработать обязательно с привлечением авиаспециалистов.

– Что касается Гимmlера, – продолжил Лукин, – то времени для подготовки группы перехвата тоже мало, но вероятность удачного исхода гораздо больше.

– Хорошо. Проработайте варианты с заброской групп, как под Борисов, так и под Минск. Но остается вопрос доверия источнику. Не исключено, что это масштабная провокация немецкой разведки, хотя цели таковой акции пока не ясны. – Нарком хлопнул ладонью по папке. – Что мы знаем?

– Все три послания идут от людей, которых проверить исключительно трудно, – огласил выводы Меркулов. – Где и с кем был сержант Резеда до встречи с лейтенантом? Маевский где-то месяц пропал до появления в штабе армии. Капитан Жуков вернулся из разведки один. По его словам – группа погибла вместе с «языком», под случайной бомбардировкой. По запросу в истребительный полк, дислоцированный неподалеку, ответили утвердительно – да, такой бой случился, и место указали то же. Но это все. Поэтому полного доверия нет. Крайне необходимо выяснить – кто именно скрывается под псевдонимом «Феникс», его намерения и истинную цель. Местоположение источника. Группа это или одиночка.

– Я считаю, это группа, – сказал Судоплатов. – Организовать сбор таких данных, сгруппировать и передать с помощью людей с хорошей памятью... но смущает объем информации.

– Да, люди с уникальной памятью большая редкость, – согласился Лукин. – Найти их труднее, чем нам вычислить состав группы Феникса. Но это одно из возможных направлений поиска исходного источника.

– И кто же?

– Сочувствующий?

– В самом генеральном штабе?

– А фон Тресков не может быть Фениксом? – спросил Горянников.

– Сомнительно, – сказал Судоплатов и заглянул в блокнотик. – Фон Тресков штабной офицер группы армий «Центр». Каким образом он передает все сведения? Это уже более трех человек в группе, не считая самого штабиста.

– И большая вероятность засветиться, если исходить, что он переправил сведения по нескольким направлениям, – сказал Меркулов. – Не исключая импровизации источника по способам передачи, но в любом случае это большой риск.

– Считаю, источник имеет большую свободу передвижения, и он вне подозрений, – продолжил Судоплатов. – Пока вне подозрений. Кто бы это ни был – одиночка или группа, сочувствующий из генералитета вермахта, кто-то из нелегалов, но даже работая в том бардаке, который создавали немецкие прорывы, дело рискованное и заметное. Огромный риск не донести важные сведения и засветиться перед немецкой контрразведкой. Если источник в генштабе вермахта, то есть вероятность, что Феникс замолчит навсегда.

– Если не генералитет и штабисты, тогда кто?

– Кто-то из нелегалов?

– Тогда это должен быть не простой нелегал. С широким доступом к стратегической и оперативной информации, и достоверным прогнозированием событий.

– Брайтенбах?⁵ – предположил Судоплатов.

– Хм... Брайтенбах... – Меркулов задумался. – Он по гестапо проходит. Откуда у него стратегические и тактические сведения генштаба? Последняя связь с ним была в середине июня. Не думаю, что он Феникс, иначе бы передавал сведения по оговоренным каналам, а не известным нам образом.

– Так, товарищи, – сказал Лаврентий Павлович. – Времени мало. Проработкой всех вопросов займетесь позже. Товарищ Судоплатов, вам поручается создание особой группы при НКВД. Задачи – организация разведывательно-диверсионной работы и партизанской войны в тылу немецко-фашистских войск. Работа по «Фениксу» тоже на вашей группе. На вас же проработка действий по листу № 12. Учтите все варианты. Планы действий и потребности на утверждение мне. Учитывайте, что к группе будут приданы войска из резерва при наркомате. При необходимости привлекайте специалистов со стороны.

Меркулов и Судоплатов при этом переглянулись. А привлекать придется. Уже ощущается острая нехватка квалифицированных кадров. Возможно, получится вернуть большинство уволенных сотрудников, а иных вообще освободить из тюрем.

– Даю на это сорок восемь часов, – закончил Берия.

– Товарищ народный комиссар, – обратился к Берии Лукин. – В приемной ожидает майор Крамаренко.

Он чуть более меня общался с капитаном Жуковым. И он последний, кто его видел живым.

Берия позвонил секретарю:

– Пригласи Крамаренко.

Майор вошел и доложил, прикрыв дверь:

⁵ Брайтенбах? Или Вилли Леман – сотрудник гестапо, гауптштурмфюрер СС и криминальный инспектор. Тайный агент советской разведки с 1929 года.

- Товарищ народный комиссар, майор Крамаренко по вашему приказанию прибыл!
- Проходите, товарищ майор, – сказал нарком. – Садитесь. Что можете сказать о капитане Жукове?..

Глава 3

Маша тщательно полоскала и отжимала тряпку, в которой теперь никак не угадать бывшую когда-то гимнастерку, и вновь терла пол. По сторонам старалась не смотреть. Тяжело видеть страдания людей, слышать многоголосый стон и крики боли, и никуда не денешься. Уже четыре дня в госпитале, но привыкнуть никак не получается. Как тут привыкнуть? Вскрикнул ранбольной – Маша невольно вздрогнет. Раненых в госпитале битком, везут и везут, даже в коридорах койки стоят. Полы мыть приходится часто. Что поделаться, если грязь постоянно наносится с улицы. Санитары ранбольных несут, лекарства привозят, посыльные снуют туда-сюда, врачи с медсестрами выходят в редкие минуты покурить или просто подышать. Кроме мытья, уход за больными. Поить, кормить и помогать оправляться. К последнему тоже пришлось привыкать.

– Сестричка... – хрипит тяжелораненый боец, – пить... пить...

– Сейчас! – спохватывается Маша и, оставив швабру у ведра, бежит к корзинке с бутылками воды.

Раненый голову поднять не может, значит, надо налить чуть-чуть в глубокую ложку и поднести к губам.

Кому воды можно вволю, кому-то дать только-только, чтобы немного жажду утолить, а некоторым пить вовсе нельзя, лишь губы и полость рта смочить. Это Мария знала, старшая медсестра несколько раз повторила.

– Спасибо... – выдохнул боец и бессильно откинулся, закрыв глаза.

Маша вернула посуду в корзину и вернулась к мытью полов. Протирая половицы, сместила к следующей койке, где остановилась, глянув на лежащего. Этот ранбольной несколько дней был без сознания, лишь раз очнувшись во время перевязки. Молодой, но геройский – санитары рассказали, что подобрали его около сгоревших немецких танков. Имя бойца выяснить не смогли – документы сгорели, а сам, когда очнулся, ничего не смог сказать. Маше особенно было жаль его, почему-то запал он в сердце.

Вдруг ранбольной, которого недавно напоили, захрипел, сделал судорожный вдох, выгнулся весь...

– Вера Федоровна! – крикнула Маша. – Скорей сюда!

Девушка обхватила раненого, зашептала, успокаивая, но боец смотрел в потолок, хрипел и вздрагивал. Уже спешила по коридору старшая медсестра, даже из операционной выглянул главврач.

Ранбольной задрожал, еще раз судорожно вдохнул, выдохнул и замер. Глаза остекленели...

– Отмучился, бедолага, – сказал кто-то.

Маша прижала ладони к лицу, подавляя крик. Потекли слезы. Иван Семенович отстранил Машу, тронул ранбольного за шею, вздохнул, прикрыл умершему веки и тихо сказал старшей медсестре:

– Санитаров позови, пусть в мертвецкую унесут.

Затем посмотрел на девушку. Сжал ей плечо и устало пошел в операционную.

– Выйди и слезы вытри, – шепнула медсестра.

Маша выскочила из корпуса, свернула в скверик. Слезы катились не переставая. Хотелось взвыть, но крик удалось удержать. Как к такому привыкнуть? Страшные ранения, оторванные руки и ноги, ожоги... боль и смерть...

Маша могла стерпеть боль, ни пискнуть даже, но слезы удерживать не могла. При виде чужих страданий глаза мгновенно намокали. Да, комсомолка, но не сдержать... никак не сдержать.

На улице остро пахло горелым – в городке бушевали пожары, недавно авианалет был. Немцы что-то бомбили на окраине. Слышалась далекая канонада. Но несмотря на дым, дышалось легче, чем в корпусах, и особенно в палатах с ожоговыми ранениями. В госпитале стоял одурманивающий и сводящий с ума смрад. Запах лекарств и крови перебивала вонь гниения, пота и давно не мытых тел. Проветривай, не проветривай...

Со свежего воздуха зайдя в госпиталь шибало в нос так, что даже в глазах темнело, и приходилось подавлять тошноту. Конечно, потом неприятные запахи притуплялись, да и не до безгливости было – дел невпроворот. Медбригады работали бессменно, отдыхали мало. Даже поесть да покурить – и то на бегу.

В корпусе, как обычно, шибануло в нос вонью. Как к этому привыкнуть? Переждав приступ тошноты, Маша прошла по коридору, подняла швабру и принялась домывать пол. Умершего уже унесли и белье в прачечную забрали, но на пустую койку Маша старалась не смотреть...

– Кузнецова! – из дверного проема выглянула медсестра.

Девушка распрямилась и обернулась.

– Что?

– Домывай и приходи помогать.

– Хорошо.

Уже через пару минут пол был вымыт. Маша прополоскала тряпку, тщательно её отжала, но сушиться не повесила, а пристроила в углу, ибо вскоре опять придется полы протирать.

Ведро было тяжелое, несмотря на то, что воды было всего наполовину. Маша протащила его по коридору к выходу, осторожно спустилась с высокого крыльца и свернула к кустарнику. Воду слила под куст и направилась к колодцу. Следовало сполоснуть ведро и набрать воды в запас, чтобы потом за ней не бежать.

У колодца воду набирал дядя Ваня. Ему было лет за шестьдесят, правая нога у него практически не гнулась из-за ранения, полученного еще в империалистическую. В госпитале он работал на кухне. Кашеварил и замечательно, надо сказать. Любое блюдо у него выходило – пальчики оближешь, а кулеш какой варил...

– А, это ты, Машутка-малютка? – обернулся дядя Ваня. – За водой? Давай-ка ведро, налью.

Маша протянула свое ведро. Хорошо, что не самой воду набирать. Нет, ничего трудного, просто колодезный сруб для неё был высок, а приступка у него не было.

Журавельная жердина качнулась вниз, задирая противовес, послышался всплеск, затем дядя Ваня, перебирая руками по сцепленным скобами жердинам, вытащил полное ведро воды и из него наполнил ведро Маши.

– Вот, полное. Ты погоди, я свою бадью наполню и твое ведро донесу.

– Да я сама...

– Сама-сама, – гмыкнул в бороду дядя Ваня. – Машутка-малютка, росточком с ведро.

– Да я невысокая, но мне почти шестнадцать! – на шутки по поводу своего невысокого роста Маша давно не обижалась.

– Не в этом дело, дочка, – возразил старик, – на тебе же лица нет. Сутками в госпитале работаешь.

Ветром уж шатает. И опять слезы лила, гляжу. Отдохнуть бы тебе...

– Некогда отдыхать! Война идет, а я комсомолка!

– Война... – вздохнул кашевар. – Это да...

– Я пойду, дядь Вань, там раненые...

– Как там твой? Очнулся хоть?

– Какой он мой? – смутилась девушка. – Я даже имени его не знаю.

Дядя Ваня лишь усмехнулся в бороду. В госпитале всё на виду, и то, что Кузнецова Маша чаще других ухаживает за молодым парнем, заметили все.

Тут очень сильно загрохотало. Недалеко. Отчетливо слышались разрывы и стрельба. Как будто фронт прыгнул на пару десятков километров ближе. Все, кто находился в госпитальном скверике, замерли, настороженно смотрели на запад.

– Наши ведь не пустят сюда немцев?

– Не пустят, дочка, не пустят.

Девушка ушла, мелко семеня ногами из-за тяжелого ведра. Дядя Ваня спохватился было помочь, но Маша уже подошла к крыльцу.

– Дай-то бог, дочка, – прошептал старик ей вслед. – Дай-то бог...

Маша поставила ведро в угол. И наконец заметила странную суету – медсестры и врачи сновали более озабоченно, чем обычно.

– Вера Федоровна, что случилось? – спросила она проходившую мимо операционную медсестру.

– Немцы фронт прорвали. Будем госпиталь эвакуировать.

– Что надо делать?

– Пока помоги ранбольных покормить, тех, кто в сознании.

Маша кинулась к кухне госпиталя. Там уже суетились пожилые санитарки, набирая в корзины посуду, судки с кашей и бутылки с водой. И как всегда распределили нагрузку, взяв на себя самое тяжелое:

– Ты, Маша, корми тех, кто в коридоре лежит, а мы в палатах управимся.

И ни полслова про то, что койка объекта её повышенного внимания как раз в коридоре стоит. В голосе никаких оттенков. Даже не улыбнулись. Ну, нравится парень, ну и что, дело-то молодое. Слишком молодое...

Кормежка ранбольных – работа трудная.

– Ты, дочка, меня подыми чуть, да ложку дай, сам управлюсь...

– Спасибо, сестричка, ничего, пусть больно, но я сам...

– И я как-нибудь управлюсь, дочка, ты покамест вон тех покорми...

Ворочать здоровенных мужиков то еще дело, больное место бы не потревожить. Ранбольные кряхтели, по мере сил помогая маленькой санитарке и усаживаясь так, чтобы здоровой рукой можно было поесть самостоятельно.

Раздав миски с гуляшом, Маша проверила – не очнулся ли тот молодой боец, но он даже не пошевелился. Накормила другого ранбольного и вновь проверила бойца.

– Ну, очнись же! – прошептала Маша, поглаживая перебинтованную голову. – Бедненький мой...

Парень неожиданно открыл глаза. Очнулся! Сердце радостно забилося. И позабылись все слова. Парень еле заметно улыбнулся, прислушался, и тут же его глаза стали тревожными.

– Это фронт грохочет?

– Да. Ты поешь...

– Некогда! – прервал её парень. – Найди любого командира из НКВД и передай: «Феникс возродится». Это важно. Очень важно. Только командирам НКВД, поняла?

– Поняла, – кивнула Маша и почерпнув ложкой варево, поднесла к губам парня. – Поешь...

Однако тот уже был без сознания.

* * *

Небо давно посветлело. Звезды померкли. Местами было видны серые пятна – облака. Плохо, если нагонит туч и дождь пойдет. Крыши тут считай нет – только тесом покрыта, а драпку или бересту, коей крыли подобные строения, скорей всего ободрали на растопку.

Не погреб, не землянка, непонятно что. Сруб три на три наполовину в землю вкопан, крыша двускатка и все. И это недоразумение заменяло местную гауптвахту, или холодную, как местный старшина выразился. Из удобств низкие полаты и немного сена. Несмотря на все это, было даже уютно. Это не в лесу ночевать. Тут не тепло, но и прохладно. И можно вволю выспаться.

Но не спалось. В голову лезли разные мысли, а все из-за чересчур «горячей» встречи. Не так представлялся выход к своим. Думали – минуем немецкий «передок» и все, беды позади. Сейчас!..

Проще было через немцев незаметно пройти и попутно четырех гренадеров на посту вырезать.

Вообще, на прифронтовой полосе Михаил и Семен за малым чуть не вляпались. Части стояли плотно, и пришлось скрытно перемещаться, стараясь найти путь к своим. Наползались вволю...

Наконец с местом перехода определились – один фланг упирался в заболоченную пойму небольшой речушки. Осталось пройти какие-то жалкие пару километров и у своих. Но как пройти? Чем ближе к передку, тем больше врага. И местность хорошо просматривается, несмотря на высокие берега. Значит, надо ждать темноты, иначе не выйдет.

Пока спрятались в кустарнике у самой воды и принялись наблюдать. Недалеко стояли немецкие кухни и работала передвижная пекарня. Ветерок наносил сводящие с ума запахи горячей пищи, особенно терзал изголодавшееся сознание аромат свежеиспеченного хлеба. У обоих даже мысли появились с темнотой добыть буханку как минимум. Если не выйдет просочиться через линию передка, то на пекарню они наведаются обязательно...

Пока сидели в зарослях, чуть не поседели. Немцы к речке ходили часто. Аккурат мимо кустов. Сунься кто в кусты, и все. Какой-то метр всего. В эти моменты Михаил и Семен замирали, сжимая оружие и гранаты. А немцы в основном тут набирали воду. Некоторые устраивали постирушки, но ниже по течению. А раз один немец направился именно в их куст с намерением погадить. Бойцы уже приготовились к бою, сняв с толкушек колпачки и вытянув шнуры терочного запала, но засранца окликнули свои же. Что именно ему говорили, не поняли, но в общем ясно – не гадить там, где воду берут. С сумерками движение у реки прекратилось. Выждав немного, бойцы двинулись вдоль берега, прижимаясь к камышовым зарослям. Наблюдение за «передком» выявило пост, усиленный пулеметным расчетом. Всего на крайнем пункте находилось четыре человека, которые контролировали левый фланг. Другой пост располагался в ста метрах правее, и тоже с пулеметом. Но с того поста не увидят, если ползти вдоль берега. Значит, надо думать – как устранить четырех человек тут. И желательно тихо, иначе каюк.

Понаблюдав за передвижениями и сменами, решили дожидаться утра. Переход наметили на рассвете, в «собачье время», когда самый крепкий сон. Если не случится внезапной атаки или обстрела. Оптимальное время четыре утра. Как раз пройдет пара часов после смены поста.

Самое трудное самим не заснуть. Усталость сказывается – двое суток уже ползают тут. Заснешь – захрапишь. Когда ночевали в кустиках, бдящий постоянно пихал спящего, не давая храпеть, что к бодрости никак не приводило.

Сидели в камыше, слушая тихие разговоры немцев, жалея, что толком не учили язык в школе. Немцы особо не шумели. Иногда посмеивались, видимо рассказывая веселые истории. Но и наблюдать за окрестностями не забывали – постоянно из окопа торчала пара голов в кас-

ках. Где-то отдаленно грохотала канонада. Иногда в сторону нейтралки пускали осветительные ракеты. Хорошо бы такая идиллия до рассвета сохранилась...

Наконец на пост заступила новая смена. Началось то самое собачье время. Орднунг орднунгом, но немцы тоже устают, и через час на посту решили, что можно бдить не в восемь глаз, а в четыре, и пара солдат устроилась в окопе.

Через некоторое время донеслось похрапывание. Которое часто прервалось пинком бодрствующего часового. Бесхребетный с Гороховым переглянулись – пора. Часовые влево не смотрели вообще, наблюдая лишь за тем, что впереди. И бойцы начали подкрадываться. Бруствер слева выступал чуть выше, обеспечивая мертвую зону, что компенсировалось бы дополнительными наблюдающими, однако те в данный момент сопели в две дырочки.

Подобраться удалось почти вплотную. Так тихо подбираться давно не приходилось. Движения плавные, осторожные. Сдвинулся – замер, еще чуть вперед – замер. Уже слышны сопения в окопе. Осталось только выбрать момент. В руках по клинку. Удастся ли сработать втихую? Про неудачу думать не хотелось.

Уже начались сумерки. Надо решаться, ибо в любой может заявиться проверяющий, а если еще протянуть, то посветлу нейтралку точно не миновать.

Послышался звук зевка и еще что-то непонятное, будто кто-то в трубу глухо дунул. В окопе хохотнули, а Бесхребетный с Гороховым насторожились.

– Макс!

– М-м-м? – послышалось сонное.

– Du schwein! – буркнул пулеметчик, отчаянно зевая и стараясь прикрыть рот ладонью. – Stinkendes schwein!⁶

Затаившиеся бойцы только про свинью и поняли. И тут что-то загрохотало на юге. Бесхребетный с Гороховым не сговариваясь перемахнули через бруствер – как чувствовали – оба бодрствующих немца смотрели вправо. Сработали каждый своего – ножом по горлу. Откинули умирающих и сразу зажали рты спящим и прищипили клинками. Лишь один успел звук издать. Завоняло. Семен невольно сплюнул, затем толкнул сержанта:

– Делай, как я.

Сдернул каску с немца, водрузил её на свою голову и высунулся из окопа. Рядом выглянул Михаил. Что там бабахнуло – непонятно, но тревоги немцы не подняли, лишь осветительными ракетами выстрелили в сторону нейтралки. Повисшие «люстры» осветили лощину и камыш. На соседнем посту крутили головами часовые. Крайний держал руку у лица, иногда выдувая дым за бруствер.

И это хваленый немецкий орднунг? Если курит, то проверяющего рядом и в помине нет. Этот пост крайний, если он явится, то пройдет через соседний. Но надо поспешить. Сержант поддел маузером каску и передал Семену. Пусть видят – головы торчат, значит, тут бдят и все в порядке.

– Быстрой, Миша, – прошептал Семен, косясь на соседний пост, – нам и так фартит как никому, пора и честь знать. Сматываемся!

Горохов быстро собрал зольдбухи, затем помог пристроить труп так, чтобы он торчал из окопа. Больше ничего забирать не стали. Жаль, пулемет не утащить, своих вещей полно. Но и оставлять не след. Семен снял фиксатор, провернул ствольную коробку MG против часовой стрелки и прихватил ее собой, а сам ствол остался торчать из окопа. Механизм притопили в речке, подхватили свои ранцы и шустро припустили по самому краю берега. Успеть бы до того, как немцы всполошатся. А еще чтобы свои встретили окриком, а не пулей. С них станется...

Громкий всхрап отвлек от мыслей. Семен посмотрел на Михаила – тот лежал к нему спиной, без движения, и не храпел. Не спит? Точно не спит. Вон, чуть голову повернул, тоже на

⁶ Du schwein! Stinkendes schwein! – Ты свинья! Вонючая свинья! (нем.)

звук среагировал. Кроме часового, храпеть некому. Часовой, кстати, кроме караульной функции частично исполнял роль запора, поскольку у двери никакого намека на замок не было, даже петли отсутствовали. Дверь просто приставили и приперли доской, на которую навалился караульный. Наверно, удобно, вот и заснул. Часовые, ептить!..

Семен хмыкнул и тут же скривился – дернуло болью разбитую губу. За компанию заныл бок – ребра намяли им хорошо. Сволочи...

Шли по нейтралке, ожидая действий со стороны своих, но ни окрика, ни выстрела. Семен с Михаилом недоуменно переглядывались – странная тишина. Двигались они осторожно, таясь только от немцев, но чтобы своим было видно. Мало ли за немцев примут, а так хоть не шамальнут с перепугу.

Всматривались в поросшие елками края лощины. Вот крайняя возвышенность, там по идее должно находиться боевое охранение, и обзор с него должен быть хороший. Если не ползти – увидишь, а они шли лишь пригибаясь. И рассвело уже достаточно...

Немцы вновь запустили осветительную. Повисшая «люстра» в растворяющихся сумерках светила уже не ахти. Оба крадущихся бойца только чуть присели. От немцев их уже не разглядеть. А от своих...

А от своих никакой реакции. А есть ли тут кто-то вообще? – подумал Семен.

Есть! Как не быть? Вот он пост. Даже в сумерках выделяется. Это не маскировка. Это преступная халатность!

Идиоты!

Взгляд сразу цеплялся именно за эти ёлки, ибо они отличались от остальных кардинально. Не цветом, не высотой, не плотностью лап. Идиот, по-другому не назвать того, кто маскировал пост боевого охранения. Нижние ветки ёлок срезаны метра на два от земли. Еловыми лапами замаскировал стрелковые ячейки, зубцы которых к тому же особо выделяются правильностью. А еще в одной из ячеек белеет лицо. Семен даже сплюнул с досады, затем тронул руку Михаила и кивком головы указал на елки. Сержант взгляделся и растерянно посмотрел на Семена...

Боевого охранения на «чудесно» замаскированном посту фактически нет. Спят все, включая «бдящего» часового. Вот и ствол «дегтяря» торчит из соседней ячейки, по сковороде заметно, но пулеметчика не видать даже. А спящий дятел ладошкой голову подпер и сопит в две дырки.

Мать его растак! А если к ним сейчас не свои бойцы пробирались бы?

Немцы, мать его растак, орднунгом на всю голову ужаленные (кстати, еще одну ракету пустили), даже предположить не могут, что по ту сторону нейтралки на боевое охранение положили большой и толстый! Спят все! Немцам даже пара бдящих часовых не помогла! Всего два бойца вырезали пост. А тут? Приходи и выбирай «языка», а остальных...

Глаза Горохова недобро блеснули. У Семена тоже зачесались кулаки. Появилось острое желание разбить лица всех причастных, начиная от часовых, заканчивая взводным.

Только они ввалились в окоп, ведущий к посту, как с немецкой стороны застучали пулеметы и взлетело сразу несколько ракет. И все в сторону речки. Очереди простригли камышовые заросли и редкие кустики на нейтралке. Несколько очередей аккуратно сквозь елки прошли. Пули взъерошили еловые лапы, полетела взбитая земля. Что-то тяжело ухнуло, звякнув, будто ящик с инструментом уронили. Послышалось кряхтение и возгласы. В проходе было видно, что охранение спросонья бестолково суетится, ползая и натываясь друг на друга. Часовой, что спал прямо на бруствере, уцелел каким-то чудом. Сидит, недоуменно оглядывается и ощупывает голову. Смертушка-то рядом прошла. Повезло идиоту, что немцы поначалу по камышам дали, а потом на пост переключились.

Семен с Михаилом переглянулись. Видать, проверяющий на пост все-таки явился, обнаружил вырезанное охранение и объявил алярм. Теперь со злобы стреляют, или вдгон. Но не

успели они, а злости хватило на время, пока «люстры» висели. Как погасли, так и пулеметчики успокоились. И зачем ракеты пускали? Рассвело уже...

А в других местах стрельбы не возникло. Тоже спят все? Впрочем, проснулись уже по обе стороны фронта и очень хотят выяснить причину стрельбы. А вот и топот слышался. Показался боец со старшинскими петлицами, следом шестеро красноармейцев пыхтят. Увидев двух бойцов в проходе, старшина будто на стену налетел и чуть не упал, когда на него сзади навалилась толпа.

– Стоп, йоп! – выдохнул старшина, уперев руки в края окопа. – Почему здесь? Что за стрельба? – и тут разглядел неуставную форму и винтовки.

– Кто такие?

Бойцы позади оцетинились оружием. Со стороны поста тоже появились бойцы. Один с петлицами сержанта.

– Товарищ старшина... – начал он и осекся. – А это кто?

– Спокойно, мужики, – сказал Горохов, – свои мы.

– Из окружения вышли, – добавил Семен.

– Та-а-ак! – протянул старшина, недобро блеснув глазами.

И Семену показалось, что недобро будет ему с Гороховым. Ясно что с подчиненными старшина строго разберется, но это свои, а вот залетные...

– Сержант Майков, наведите порядок, – процедил старшина. – А с вами еще разобраться надо, свои, или вовсе наоборот. Винтовочки бойцам передайте-ка.

Мосинку и маузер забрал рослый красноармеец и отошел в сторонку.

– Теперь пистолеты из кобур. Медленно и не дуря.

«Вальтер» и наган забрал сам старшина. Осмотрел, хмыкнул:

– Ну и ну! Теперь пошли не торопясь.

Через десяток метров окоп вывел в распадок, и Семена с Михаилом взяли под охрану со всех сторон.

– Стой! – скомандовал старшина.

Бесхребетный с Гороховым встали.

– Ты ранец сымай, ты вещмешок, – сказал старшина. – Теперь три шага вперед. Руки за голову, ноги расставить. Шире. Горелов, Коровин, ну-ка обыщите их. Мало ли что...

К Семену подошел боец с петлицами сержанта и обхлопал по бокам, из кармана вынул красноармейскую книжку и передал старшине. Тот уже изучал документы Горохова. Тем временем с ремня сняли ножны с траншейником.

– Ишь-ты! – зацокали восхищенно. – Какой нож! Глянь-ка, старшой.

– Ну-ка дай... Зо-лин-ген... – по слогам прочитал старшина. – Во как! Немецкий...

Тем временем руки проверили галифе и хлопнули по голенищам.

– А сапожки-то немецкие, – хмыкнули позади. – Оп-па!

Из голенища появился еще один траншейник.

– Попал ты, паря! – хмыкнул сержант.

– Маузер, ножи, куртка, ранец... – перечислил старшина. – И все немецкое. Что думаешь, Палыч?

– А что тут думать? Ясно все...

– И что ж тебе ясно-то? – спросил Семен.

– А то, что не свои вы.

– Ты слышал, сержант? – сказал Семен. – Логично, чё – если с трофеями, то шпион.

– Повезло на идиотов нарваться, – откликнулся Горохов зло. – Жрут тут в тылу да сладко спят... суки...

Тут к нему подскочил сержант, что Бесхребетного обыскивал.

– Суки?! Н-на! – кулак впечатался в челюсть. Среагировать Горохов не успел.

– А ну... – начал Бесхребетный, но крайний боец вскинул винтовку, и Семен только-только успел отбить приклад, целящийся в лицо. Одновременно прилетело по ребрам, затем в ухо. Сильно. В голове щелкнуло...

Семен выматерился, и...

Х-ха! Отшатнулся красноармеец с разбитым носом. Х-ха! Под удар попал сержант, размахнувшийся на Горохова. Х-ха! Откатился боец справа. Х-ха, с разворотом под дых. Навстречу старшина... поднырнул под руку, перехватывая кисть, бросок, удар.

– Полежи, старшой... – прохрипел Семен, разгибаясь.

Рослый боец отбросил оружие, шагнул навстречу, широко размахиваясь. Семен быстро сблизился, подныривая под руку, и пробил двойку в солнечное-подбрюшье. Боец сложился пополам.

Тут налетели со всех сторон. Удары посыпались градом. Звон в голове превратился в гул...

– Прекратить! – рявкнул кто-то.

В голове шумело, глазах двоилось, но Бесхребетный разглядел лейтенанта.

– Старшина Комаров, что тут происходит?

– Шпионов немецких поймали.

– Ты говори да не заговаривайся! – прохрипел Горохов, сплевывая кровь.

– Встать! – скомандовал лейтенант.

Михаил с Семеном медленно поднялись.

– Кто такие? – спросил лейтенант, рассматривая обоих.

– Сержант Горохов, шестьдесят четвертая стрелковая.

– Красноармеец Бесхребетный, семнадцатая стрелковая.

– Документы имеются?

– У старшины.

Лейтенант забрал у Комарова красноармейские книжки. Долго рассматривал, понюхал, поковырял ногтем что-то посередине. При этом Семен с Михаилом понимающе переглянулись.

– Долго по тылам шатались?

– Я с Новоград-Волынского УРа, – ответил Горохов, – он из-под Лиды.

Кто-то присвистнул. И лейтенант недоверчиво посмотрел.

– Как через фронт перешли?

– Крайнее охранение вырезали и бегом сюда.

– Складно поете... – по лицу лейтенанта стало ясно – не верит. Ну да, всего два бойца с отделением справились? Как ему объяснить, что не отделение вырезали, а всего четверых. И просто очень повезло сработать тихо?

– Этих к ротному, там разбираться будем, – решил лейтенант. – Все, что с ними было, туда же. Ясно?

– Ясно, тащ лейтенант.

Полуразрушенная изба, прикрытая для маскировки срубленными березками. В окнах рам нет. Маленькая светлица со столом посередине и пара лавок. Две винтовки, «вальтер» с наганом, четыре ножа и ранец с вещмешком на столе.

– Окруженцев развелось... – старший лейтенант Мартынов с интересом изучал оружие. Долго рассматривал трофейные клинки. – Говорите, неделю по тылам шатались?

– Не шатались, – поправил Семен, – к своим шли.

– Вместе?

– Мы у Козевичей встретились. Дня три назад. Я от Лиды пробирался. Сержант от Новоград-Волынского УРа шел.

– С южной части укрепления, – уточнил Горохов.

– Складно, баετε, складно... – задумался ротный. – А чего на бойцов моих накинулись?

– Это они накинулись. Как высказал все, что о них думаю! Они...
Позади кашлянул старшина. И Горохов замолк. «Зря – подумал Семен, – пусть бы ответили за преступный сон на посту».

– Комаров?

– Так и было, – признал тот.

– Ладно... – ротный посмотрел на ранец и мешок. Отстегнул клапан вещмешка...

– Я не советую ничего внутри трогать, – сказал Горохов.

Старлей глянул раздраженно на Михаила.

– Мина там, – пояснил сержант.

Позади охнул старшина, а лейтенант со старлеем отшатнулись от стола.

– Не бойтесь, если не вынимать, то не рванет.

– Комаров, саперов кликни-ка.

– Не стоит, товарищ старший лейтенант, – возразил Горохов. – Там документы важные. Особо важные. Поэтому заминировано. Документы эти могу только сотруднику НКВД передать или командиру полка.

– Бреешь, поди? – недоверчиво сказал старлей.

– Незачем мне врать, – пожал плечами Горохов.

– Ладно, не будем пока трогать мешок. А ранец тоже с миной?

– Нет, – отрицательно покачал головой Семен. – Можно открыть...

Осторожно отодвинув от мешка ранец и открыв его, командиры заглянули внутрь и принялись выкладывать на стол – четыре перемазанных кровью зольдбуха, две стопки перевязанных бечевой немецких удостоверений, початая пачка галет, банка сардин, пакет из плотной бумаги с красной этикеткой...

Быстро просмотрев зольдбухи, старлей повертел в руках консерву, затем взял пакет. Из него вдруг вывалился прямоугольник в фольге.

– Зот-тер... – прочитал по слогам надпись лейтенант, – пан-зер-счо-ко-ладе.

– Шоколад, что ли? – почему-то обрадовался старлей и зашуршал оберткой. – Ну-ка...

– Не стоит, товарищ старший лейтенант, – сказал Бесхребетный. – Нельзя его есть!

Старлей немногим до рта батончик не донес. Так и замер с раскрытым ртом.

– Там дрянь какая-то намешана. На время придает сил и бодрости. Долго спать не хочется. Но дуреют с него. Звереют даже.

– Вот тут ты точно врешь! – уверенно сказал старлей, но батончик положил на стол. – Это с шоколада-то дуреют?

– Не вру. Это не простой шоколад, откуда знаю – скажу только сотруднику госбезопасности. А то, что дуреют... на себе испытал...

Где-то заголосил петух. За дверью громко всхрапнули. Горохов повернул голову, Семен тоже приподнялся. Никто на петушиный ор кроме караульного за дверью не откликнулся, видать остальные петухи в округе на суп пошли. От мыслей о еде забурчало в животе...

Покормили их один раз, после обеда. Ржаная черствоватая краюха и подгорелая «шрапнель»⁷ была проглочена мигом и показалась самым вкусным блюдом на свете. Правда, запить принесли колодезной воды, и то хлеб. Вечером кормить не стали, только оправиться вывели раз, посоветовав терпеть до утра. Мол, нечего на них время и продукты тратить. Вот приедет особист и кранты вам. Он строгий и резкий. Приставит к стенке...

Причина такого отношения была проста – сутки назад на батальон вышли четверо. Нейтралку миновали тихо, без стрельбы. Встретившим их бойцам сказали, что по тылам долго бродили. Приняли их с пониманием. Покормили. Тут особист приехал. Расспросил, проверил документы и вдруг приказал всех арестовать. А потом пояснил – документы-то липовые. Гим-

⁷ Шрапнель – шутовое название перловой каши.

настерки слишком чистые для долгого шатания по лесам, и рожи откормленными выглядят. После чего устроил головомойку всем, за потерю бдительности. Так настропалил...

У Семена и Михаила иначе. Лица худые, уставшие. Документы... в порядке документы. Не зря лейтенант скрепки ногтем тер. Ржавые они. А у немцев блестят, хоть все зольдбухи перебери – все не ржавеют. Галифе и гимнастерки у обоих только на честном слове держатся и на въевшейся грязи. Того гляди расплзутся. Зато сапоги, ножи, да не один, а сразу по паре на брата, карабин, пистолет немецкие. Консерва, галеты и шоколад специальный...

Шпион? Конечно шпион. Только так шпионы и выглядят!

Идиоты!

Мысли переключились на особиста. Станет ли слушать? Ротный точно им не поверил, но инициативничать не рискнул. Распорядился окруженцев запереть и вестового в штаб отправил.

После обеда кто-то из начальства появился – слышались четкие доклады. Горохова с Бесхребетным никуда выводить не стали, сквозь худую крышу рассматривали...

– О чем думаешь, Сема?

– О том, что приедет особист и слушать нас не станет. Приставят нас к стенке поутру-то.

– Не приставят. Есть кое-что, и слово заветное знаю.

Заветное слово и у Семена имелось, и все, а у Михаила тетрадка особой важности. Недаром гранатой заминирована. Эх...

– Не вздыхай, все путем будет, замолвлю словечко.

Семен лишь улыбнулся.

– Идрит твою! – Горохов поднялся, морщась на боль, потрогал щеку, где темнел смачный фингал. – Как же хочется нажраться!

– В смысле напиться?

– Не, именно нажраться – мяса хочу и хлеба свежего. Консервы эти в печенках сидят уже, чтоб немцам всю жизнь их жрать! Хотя мясо под водочку тоже мысль хорошая. Кстати, – прервался Михаил, – ты мне про шоколад ничего не сказал. Что там за хрень намешана?

– Извини, друг, тут как с тетрадью твоей. Пусть особист решает – важно, али нет.

– И правильно, – согласился Горохов.

– В баньке бы пропариться, – посетовал Семен. – Коростой уж покрылся, вот-вот отваливаться сама начнет.

– Да-а-а, в баньку не помешало бы сходить, да пивка после вволю напиться!

– Где ты тут пиво-то найдешь?

– Неважно, литру сразу бы выдул!

– Обдуешься с литра-то.

– А может, и нет, – и Горохов вдруг тихо засмеялся. На вопросительный взгляд Семена, пояснил: – Да случай с пивом смешной вспомнил.

– Рассказывай, раз вспомнил, – и Семен откинулся на стену, заложив руки за голову.

– До войны наш батальон в самом Новоград-Волынском дислоцировался, – начал рассказывать Михаил. – Так в субботу мы в увольнительной были и к вечеру в пивную заглянули. А там... – Горохов мечтательно зажмурился, – аж два сорта, «Жигулевское» и «Ленинградское»!

– Врешь, поди, – не поверил Семен, – я часто в Тагиле в пивную захаживал по случаю, так всегда только «Жигулевское» было. А в артель и вовсе привозили простой сорт – пиво.

– Можешь не верить, но правда два сорта. Да не важно то! Взяли мы, значит, по кружке «Ленинградского», стоим, пьем. Красота! Вкусное пиво! Думаем еще по кружке взять, только уж «Жигулевского». Тут к нам дедок подходит. В плаще, в сапогах высоких резиновых. В руке сумка полотняная, а в ней три бутылки. Угостите, говорит дед, пивком, старого бойца. Мы ему в ответ – ты че, мол, дед, водку взял, а на пиво не хватает? Тот руками разводит и предлагает: а давайте если я три литра осилю, и в галюн ни разу не сбегая, то платите вы, обдуюсь на месте, водка ваша. Мы смеемся: нет, дед, не три, а пять! Он – пять так пять. А че, деньги

есть, полтора водки за так считай и интересно же. Скинулись, взяли десять кружек, на стол поставили. Дед свою водку в центре...

– И? – Семену стало интересно.

– Первые две дед замахнул сразу. Стоит, отпыхивается, рыгает смачно, а мы смотрим, напыжился. Думаем, всё, спёкся дед, наша водка! А тот хватъ кружку и давай глотать! И еще одну. Выпил и спокойно так кисет достает. Мы ему: чего ждешь, пей давай, а он: покурю и выпью. Время есть, думаем, ладно. Так с перекурами все пять и осилил!

– И в кустики не сбегал?

– Позади пивной туалет имелся, мы в него по очереди бегали, но дед на него не посмотрел даже!

– Силен... – покрутил головой Семен. – И что?

– Что-что, накрылась водка!

– А хохма в чем?

Горохов хихикнул.

– Дед бутылки в сумку сложил и говорит: слабаки вы, ребята, со старым воякой тягаться вздумали. Смекалки у вас нема! И пошел прочь. А нам в часть пора. Ребята пошли уж, а мне по-малому приспичило. Говорю идите, догоню, а сам к туалету. Дерг одну дверь, дерг другую – занято, а приперло уж. Я за туалет, в кустики. Только распатронился, смотрю, а дед тот у забора бубнит и сапог с ноги стаскивает. И выливает!

Бесхребетный прыснул.

– Ага! – засмеялся Горохов. – Именно! Каков дед?! Обдулся в сапоги, но пивка вволю попил. «Ленинградского» сорту!

Минуту оба смеялись. Внезапно Семен вспомнил комиссара. И слова его в бреду. А бред ли это был?

Смех как обрезало...

Глава 4

– Вот же ж! – выдохнул водитель и остановил «эмку».

Сидящие в салоне вытянули шею, разглядывая препятствие. Впереди была обширная грязевая лужа, аккурат по центру перекрестка. Вроде не широкая, да посуху не объедешь. И жижа настораживала своей густотой. Странно, что дождей давно не было, везде пыль на дорогах, а тут на тебе... Сержант не рискнул форсировать напрямую, тем более что у самой кромки начинались глубокие колеи, очевидно от танковых траков. «Эмка» взяла правее, накренилась, огибая препятствие и ныряя левой стороной в жижу, мотор натужно взвыл, послышался вой покрышек, и машина замерла.

– Вот же ж! – повторил сержант. – Застряли, товарищ капитан...

Капитан вышел из машины, поправил фуражку, разгладил гимнастерку, загнав складки назад. Из-за ограды, заросшей лопухами, высунулись двое мелких пацанов, стриженные почти наголо. Капитан подмигнул мальчишкам, обошел машину спереди и покачал головой. Единственная яма с грязью на всем пути. Везде пыль, а тут жижа. И это фактически в центре городка. Из «эмки» выбрался лейтенант, и сержант-водитель через пассажирскую дверь сразу заглянул под машину.

Подбежал сержант Ковалев, командир отделения.

– Кликнуть бойцов, товарищ капитан государственной безопасности?

– Погоди... – отмахнулся капитан. – Что там, Лопухин?

– На пузо сели. Тут или тросом выдергивать, – донеслось снизу, – или вагами поднимать да под колеса доску совать.

– Дзядзьки ваенны, – услышал капитан детский голос, – тут вчерась вяликую машину цельным танхом тащылы.

– Тут завседы сыра, – сказал другой мальчишка. – Тятя адбивав, тут стаяв калодзеж. Дрэнной был, вада прытухлая, засыпали яго.

Три мелких пацана уже рядком, словно воробы, сидели на верхней жердине. В руках по пучку каких-то листьев с толстыми черешками. Мальчишки жевали эти черешки с аппетитом, смешно морщились и при этом с интересом следили за происходящим.

– Привет, ребята! – поздоровался капитан. – Чего это вы жуете?

– Рабарбар. Хочаце?

– Ревень? Нет, спасибо. Ребята, а до места, где все командиры находятся, далеко?

– Энта штаб, ци што? – переспросил мальчишка. – Та ни, побач. Вунь, правей пажарнай каланчы, дах управы виднееца. Там усе.

«Вот так, – подумал капитан, – все знают, что и где. А патрулей не встретилось...»

Он посмотрел в указанном направлении. Пожарная каланча возвышалась над зеленью садов, как одинокий тополь над степным ковылем. На верхней площадке пожарной каланчи находились люди, очевидно пост ВНОС. А справа действительно виднелась массивная крыша каменного здания.

– Спасибо, ребята, – поблагодарил пацанов капитан. – Ковалев, выделите людей, пусть помогут машину вытащить. Остальные за мной. Тут рядом, пешком доберемся.

Штаб фронта располагался в двухэтажном каменном здании с арками и колоннадой по всему фасаду.

У входа было суетливо. Сновали командиры туда-сюда, толпились бойцы в ожидании. Справа стоял легковой ГАЗ-А без тента, чуть дальше два ГАЗ-АА. С первой полуторки что-то перегружали на вторую. По левую сторону крыльца притулился мотоцикл ТИЗ-АМ, в люльке которого, приобняв ручной пулемет, дремал боец.

Капитан хмыкнул – обычный бардак. По пути сюда никто ни разу их не остановил. Где посты охраны и патрули? Где проверка документов? Где собственно охрана штаба? Ладно хоть пост ПВО организовали...

Охранение у штаба все же имелось. Еще на подходе капитан ощутил пристальные взгляды. А как небольшую площадь перед управой пересек, так из десятка красноармейцев, что у входа находились, навстречу выдвинулся боец с сержантскими петлицами. Он вскинул руку под козырек и сказал:

– Ваши докум...

Сержант моргнул и уставился на удостоверение в красной сафьяновой обложке, торопливо пробежал глазами документ и, отшагнув в сторону, сказал:

– Проходите, товарищ капитан госбезопасности!

– Особый отдел где расположен?

– На втором этаже. Направо по коридору. Там свой пост.

– Хорошо, – кивнул капитан и оглянулся. – Ковалев, ждите здесь. Пошли, Смирнов.

Сразу подниматься на второй этаж капитан не стал, зашел в просторный кабинет, где у карт на столах работали люди.

У самой двери на него чуть не налетел подполковник. Не дав ему опомниться, капитан спросил:

– Командующий фронтом где?

– Выехал в энский полк... а-а-а...

– Капитан госбезопасности Горянников, – и удостоверение замерло на уровне глаз.

Подполковник подтянулся.

– Начштаба подполковник Бахмарев. Вы по какому вопросу к нам?

– Мне нужны все сводки и донесения за последние три дня. И вот мои полномочия, – добавил Горянников, демонстрируя бумагу с текстом и печатью.

Нахмурившийся поначалу подполковник Бахмарев вдруг спал с лица, узрев, кто подписал документ. Но сразу взял себя в руки. Кивнул.

– Где я могу ознакомиться с донесениями? Но чтобы не мешали, – и капитан выразительно посмотрел вокруг.

– Увы...

– Тогда принесете в особый отдел фронта.

В особом отделе Горянникова встретил давний знакомый капитан Котов. После крепкого рукопожатия с ходу предложил чаю. Иван согласился с удовольствием, но тут же Котова пожурил:

– Хреново, Витя, работаешь, хреново. Мы свободно по дороге проехали – ни постов, ни патрулей. По директиве три-пять-пять-два-три работаешь? Хоть какие-то результаты имеются?

– По патрулям не ко мне, – буркнул Котов. – Это комендачам предъявляй. Я весь свой личный состав задействовал в контрольно-заградительных группах. Мало у меня бойцов, мало. И тех теряю. При задержании многие стрелять начинают. За два дня пятнадцать бойцов я потерял. Немцы диверсов пачками к нам засылают. Контрольно-заградительными группами задержано чуть менее сотни подозрительного элемента. Точнее девяносто семь. Из них выявлено тридцать один дезертир и два диверсанта. Подтвержденных. По остальным пока проверка идет. Вчера Сумароков из энского полка отличился, четверых немецких диверсантов выявил. Под окруженцев работали, да на документах погорели. Их пока в сводку не включили.

– Скрепки? – спросил Горянников.

– Они самые! – подтвердил Котов. – А еще хари сытые и щетина чуть-чуть. Это после недельного, по их словам, шатания по лесам. Сейчас немцы спешат, насыщая наш тыл дивер-

сантами да прочими, скоро лафа закончится, будут немцы тщательнее легенды готовить. Нам бы людей грамотных подтянуть...

– Так запроси, чего сложного?

– Запроси, говоришь, – хмыкнул капитан. – Я же сказал – грамотных, имея в виду оперативников. Мне тут из политотдела помощь кандидатами предлагали. Настойчиво. Отказался.

– Что так?

– Да сущий молодняк хотели дать. Опытных нету, мол. Я их к оперативной на выстрел не подпущу, наработают, разгребай потом.

– Так в отряды их бы направил.

– Я и направил...

Открылась дверь, и вошел Смирнов с пухлой папкой. Капитаны смолкли, продолжать тему не стали.

– Мы тут поработаем у тебя в тишине, – сказал Горянников Котову, – не стесним? А то внизу шум-гамстолпотворение.

– Работай, чего уж... – отмахнулся Котов.

– Смирнов, чаю попей и присоединяйся. Помогать будешь.

Горянников и Смирнов устроились на диване, подтянули для удобства небольшой столик и положили на него папку. В течение часа они перебирали листки с донесениями и сводками. Горянников вчитывался в сводки, затем на карте находил расположение источника, а потом делал пометки в блокнотике. Неожиданно Смирнов хмыкнул и сунул в руки лист. Текст донесения был странен. Показалось, что это попало в папку по ошибке. Капитан несколько раз прочитал про себя, потом вслух:

– Хм... три тыквы треснули, одна лопнула, водка на исходе, мало семян, по три огурца на трубу... что за ерунда?

– Простая система шифровки сообщений, – пояснил Котов. – Тыквы – это танки. Треснули – значит подбиты, водка – горючее, семечки – патроны...

– А огурцы снаряды? – догадался Горянников. – Не стоит считать немцев тупыми. Догадываются.

– Если по чувашски-татарски понимать начнут. Эти донесения просто недоработали, только на русский перевели, а не переписали на привычный. И так понятно.

– Ну раз так, то ладно.

Часы кропотливого чтения рапортов с корявыми почерками и кучей грамматических ошибок, подробного анализа с привязкой по карте принесли свои результаты. Все, что Судоплатов рекомендовал сделать первично, выполнено. И этот анализ тоже. Пригодится ли эта статистика, время покажет. Составленный отчет убран в планшет.

Горянников устало помассировал ладонями лицо. Хотелось спать, а еще живот напоминал, что последнее время употреблялся только чай, и не мешало бы поесть. Хозяин кабинета вдумчиво изучал какой-то документ, и капитан не спешил его отвлекать. Котов за это время несколько раз говорил с кем-то по телефону, в кабинет часто заходил ординарец, передавая документы. Это совсем не мешало работать.

– Ты все, закончил? – спросил Котов, посмотрев на Горянникова.

– Пока да. Слушай, а тут нас покормят? Ты учти, у меня группа в двенадцать человек. Всех бы накормить.

– Накормим, распоряжусь, – сказал Котов, – а пока вот, ознакомься, что мои бойцы наработали. Посмотри, не знакомы ли тебе эти аббревиатуры?

Горянников взял протянутый лист и прочитал:

– Sonderkommando 7b... твою ж мать! Подробности?! – потребовал капитан.

– А с подробностями швах, – обломал его Котов. – Это у одного вышедшего окруженца нашли. Он пояснил, что убил одного немца, прихватил его документы и еле ноги унес. Верст пять за ним погоня шла, только болотом оторвался.

– Жаль... – искренне огорчился Горянников. – А протоколы бесед есть? Я бы сам с этим бойцом поговорил.

– Есть протоколы, и с бойцом можешь поговорить, – подтвердил Котов. – Но пояснишь ли, что за хрень эта 7b?

– Палачи. Это все, что могу сказать. То, что к тебе попало – большая удача. Я заберу эти материалы в управление. И еще... – Горянников быстро написал на листке: «На западе без изменений. На востоке тепло. Ор стоит, но дело идет», – и передал Котову. – Это надо по нашей линии передать. Срочно.

Котов вызвал ординарца и передал лист.

– В Москву, лидером, – а когда тот вышел, хмыкнул, – ор, значит, стоит. Ладно, пошли, поедим, что ли...

* * *

– Поешь...

Ложка зависла у рта – парень был уже без сознания.

– Миленький, миленький, очнись... – запричитала Маша, глаза тут же намокли, – как же так, поел бы... имя своё хоть бы сказал...

Погладив забинтованную голову парня, девушка с трудом уняла слезы.

– Пока с этих палат несите! – услышала Кузнецова голос старшей медсестры. – Первыми тяжелых выносим!

В коридорах суетились санитары – ранбольных укладывали на носилки и тащили наружу. А за окнами уже отчетливо грохотало. Бой шел где-то рядом. Неужели наши немцев не удержат?

Пробежала санитарка Евдокия Михайловна. Остановилась, обернувшись.

– Ты, дочка, не сиди, мы сейчас носилки принесем, будем тоже сердешных выносить.

Две санитарки, охая от натуги, протаскивали носилки через проем, поставили.

– Вот ведь, мужики-то тяжелые... Михайловна! – крикнула санитарка. – Вдвоем не осилим.

Ответ потонул в грохоте. Что-то сильно бабахнуло позади корпусов. С крайних окон осколками брызнули стекла. От неожиданности санитарки взвизгнули, закрывая голову. Маша же обнаружила, что закрыла собой своего милого. Покраснела, но никто этого не увидел. Первый испуг прошел, и санитарки кинулись в крайние палаты, проверять ранбольных.

– Целы все! – закричали оттуда. – Никого не посекло!

– Отодвиньте койки от окон, одеялами ранбольных пока укройте! – распорядился главврач, проскочив в операционную.

Быстро схватив одеяло, Маша укрыла раненого со стороны окна. Этот проем уцелел, но мало ли еще снаряд прилетит...

– Валя, Люда, Маша, сюда! – позвала Евдокия Михайловна. – Понесли!

За ручки носилок взялись уже четверо. Все равно тяжело. Пыхтя от натуги, пронесли по коридору, разминулись со встречными санитарками и начали спускаться по крыльцу. Во дворе стояли три полуторки и с десятков телег, очевидно местных, так как возницы были в гражданском. Одна из машин, уже заполненная ранеными, завелась и выехала со двора. Остальные машины и телеги догружались и тоже были готовы отправляться.

– Тяжелый, без сознания, – сказала медсестра, осмотрев бойца на носилках, – к телегам несите.

Что-то с треском пролетело над головами. Все, кто был у крыльца, невольно посмотрели вслед.

Недалеко вспух мощный взрыв. Еще треск. Взрыв чуть дальше.

– Тяжелыми бьют! – крикнул кто-то.

Подбежал боец.

– Товарищ военврач, немцы прорвались. Там танки на окраине уже.

– Быстрее, товарищи! – крикнул главврач. – Выносите раненых!

Санитары подхватили носилки и побежали в корпус.

– Транспорта не хватает, Карл Генрихович, – сказала Вера Федоровна. – Хорошо местные с телегами помогли, но всех не вывезти.

– Машины вернулись бы, – ответил военврач, – успели еще рейс сделать. О, едет одна!

Во двор вкатилась полторка. Из кабины выскочил командир, а из кузова спрыгнул десяток бойцов. Командир что-то крикнул бойцам, те быстро разделились на две группы и выдвинулись за корпуса госпиталя. Сам командир с водителем направились к крыльцу.

– Капитан госбезопасности Лукин, – представился он. – Вы Карл Генрихович Маевский?

– Да, я. Военврач второго ранга.

– Я к вам по важному делу...

– Погодите, товарищ капитан госбезопасности, – прервал Маевский, – у нас тоже важное дело – раненых срочно эвакуировать, а у вас, я вижу – машина имеется.

– Машина как раз для эвакуации, но прошу не перебивать. В вашем госпитале находится военврач второго ранга Павлов Валерий Семенович.

– Да, он был мной прооперирован. Сейчас Валерий Семенович без сознания. Вон, на той телеге лежит.

Капитан сходил к телеге, удостоверился, поправил одеяло на Павлове, вернулся.

– Очень важно его эвакуировать в первую очередь, вместе с вами, Карл Генрихович, – сказал Лукин и, видя приготовившего возражать врача, добавил: – Это приказ народного комиссара.

– А как же остальные раненые? А персонал? Как с ними?..

– По возможности! – резко ответил Лукин. – Павлова в машину, догружайте ранеными и отправляйте. Вы старший в машине. Быстрее. А мы немцев придержим...

Последних раненых выносили под грохот боя, что шел уже в городке. Маша видела, как в пришедшую последней машину и пару телег быстро укладывают ран-больных и отправляют прочь. Подхватив носилки, она кинулась по коридору. В окне мельком заметила командира, явно из НКВД. «Найди любого командира из НКВД...» Девушка хотела окликнуть его, но тот уже скрылся.

– Быстрее! – крикнули от выхода. – Все на выход!

Несколько разрывов рядом. Здание сильно трянуло, сыпалась штукатурка, летели осколки стекла. Прикрывшись носилками, Маша добежала до койки, разложила носилки вдоль, сдернула одеяло и принялась стаскивать парня вниз.

– Немцы! – крикнул кто-то, мелькнув в коридоре.

– Как же я тебя понесу? – сквозь слезы простонала девушка. – Эй, кто-нибудь! Помогите!

По коридору загрохотали шаги. Это бежал дядя Ваня. Тяжело бежал, широко перебрашивая правую негнущуюся ногу.

– Ты чего тут, Машутка? – выдохнул он, приблизившись. – Все уж убежали. Немцы рядом.

– Дядя Ваня, помоги! – сквозь слезы попросила Маша. – Он последний остался.

– Как же так? Забыли, что ль? – пробормотал старик, помогая уложить парня ровнее. – А сдюжишь!

Не отвечая Маша укрыла парня одеялом с головой и схватила ручки.

– Взяли!

Подняли носилки и засемили к выходу. Руки почти сразу пронзило болью, но Маша закусила губу. Терпеть, надо терпеть! Вот уже выход, спуститься по ступеням, осторожно, чтобы раненого не уронить. Взрыв, осколками обстригло кусты около крыльца. Маша вздрогнула, но носилки удержала. Послышался ляг гусениц – что-то большое ехало по улице. Длинными очередями стрелял пулемет. На той стороне промелькнули серые фигуры.

– Немцы! – выдохнул дядя Ваня. – Налево, Маша, налево!

Протащили носилки вдоль корпуса, прячась за кустами акации. Не доходя до угла, дядя Ваня остановился. Носилки положили на землю. Старик пристально посмотрел сквозь кусты.

– Немцы. Спрятаться надо.

Он повернулся и шагнул к деревянному щиту, прикрывавшему проход в цоколь. Откинул незатейливые крючки, служащие запорами, и отодвинул щит.

– Спрячемся тут пока.

Они затащили носилки в подвал. Старик придвинул щит, закрывая проход, и прильнул к щели.

– Только бы немцы сюда не сунулись.

Бой в городе не стихал, и стреляли совсем недалеко.

– Наши где-то рядом, – прошептал дядя Ваня. – Немцев пытаются задержать.

– Так может, за помощью сбегать? – спросила Маша.

– Надо бы... – согласился старик. – Тихо!

В щель обзор не ахти, но разглядеть, что происходит, можно. Во двор вкатился бронетранспортер. Из него выскочило пять солдат, а пулеметчик нацелил пулемет на корпус. Одновременно слышались шаги по коридорам. Очевидно, немцы проникли в госпиталь через разбитые окна и теперь проверяют пустующие палаты и кабинеты.

– Чисто! – крикнули где-то. – Все русские сбежали!

Солдаты, стоящие у корпуса, опустили оружие. А Маша и старик переглянулись. Что-то упало над ними, и кто-то выругался по-немецки. Послышались голоса. Маша прислушалась. Немецкий она изучала, но с языком были проблемы, давался трудно, однако часть сказанного была вполне понятна.

– Эй, Карл, это больница, а не туалет! – крикнул крупный немец с автоматом. Он стоял напротив корпуса и смотрел на окно.

– А тебе-то что? – слышалось сверху.

– Тут, возможно, наш госпиталь будет, а ты гадишь.

– Пригоним русских – уберут. Эй, Михель, смотри!

Пулеметчик посмотрел направо и резко развернул пулемет. Прогрохотала короткая очередь. Полетели сбитые ветки и листья, кто-то вскрикнул, и наружу вывалилось тело. Дядя Ваня скрипнул зубами, Маша, чтоб не вскрикнуть, зажала ладонью рот. В убитой они узнали Евдокию Михайловну. Наверное, она не успела уйти и спряталась в кустах...

– Швайне! – выругался солдат и подошел к телу, пнул. – Это просто старуха.

– Что тут происходит? – властно спросил кто-то, спускаясь с крыльца.

– Михель, русскую ведьму пристрелил, господин фельдфебель.

– И все? Больше никого? Здание проверили?

– Яволь, все русские сбежали.

Интенсивность стрельбы неожиданно возросла. Бахнули несколько разрывов совсем недалеко. Фельдфебель скомандовал «Вперед» – часть солдат скользнула на улицу, часть запрыгнула в бронетранспортер, и машина двинулась следом. Через минуту двор опустел.

– Пора, дядя Ваня, – прошептала со всхлипами Маша. – Я задками пройду, найду наших. Должны помочь, ведь нельзя парня бросать.

– Нельзя... – вздохнул старик. – Ты халат-то скинь, белое далеко видать...

Он осторожно сдвинул щит, высунулся, осматриваясь.

– Никого. Иди, дочка, дай бог тебе наших найти...

Крапива оказалась необычайно жгуча. Нырнуть в крапивные заросли пришлось – кто вышел из-за дома. И разрыв, что бабахнул громко, заставил присесть. Отчаянно затирая ладошкой ожоги, Маша свернула к оврагу. Тут хоть лопух растет и никто не ходит. Стрельба то стихала, то возобновлялась, и надо было обойти этот бой. Так дядя Ваня посоветовал. Наши должны быть по ту сторону.

Пройдя вдоль оврага, Маша выбралась на околицу. Осторожно выглянула из кустов – на улице никого. Где-то впереди стреляют, значит, надо туда. Побежала вдоль, прижимаясь к жердяной ограде. Дома на улице как вымерли – жители, что не ушли, попрятались в подвалах и погребах. Добравшись до первого перекрестка, осмотрелась.

Пулеметная очередь и частые выстрелы вдруг загрохотали позади. От неожиданности Маша бросилась на землю. Бахнул взрыв, заложило уши. Взвизгнуло, и от жердины полетели щепки. Девушка вскрикнула и собралась перебежать на другую сторону улицы. Только поднялась, как что-то с треском воткнулось во второй от перекрестка дом, и тот вспух...

Маша потрясенно смотрела на разлетающиеся бревна. Сруб дома сдуло, словно тот был из легковесных спичек сложен. И одна из этих спичек вращаясь, словно городошная бита, влетела в крайний сад и легко смахнула разлапистую яблоню. Бревна все еще летели. И одно такое аккуратно к девушке. Это зрелище завораживало и пугало до дрожи. Грохот заложил уши, но сквозь него пробивался чей-то пронзительный крик...

Вдруг Машу подкинуло вверх. Она обнаружила, что кто-то схватил её в охапку. Затем бросок, короткий полет, почему-то через ограду и прямо в крапиву. Не успела она опомниться от падения и даже вскрикнуть от жжения, как чья-то рука вдавила её в землю.

– Лежи! – рявкнули властно.

Бах! Бах! Бах!

Выстрелы над головой заставили сжаться от страха.

– Вставай!

Машу подхватили под поясицу, поставили на ноги и толкнули в сторону оврага.

– Бегом!

И Маша побежала. Позади громко бабахнуло и вокруг засвистели пули. Кто-то бежал следом и матерился, затем болезненно вскрикнул. Маша обернулась. Боец, зажимая рану на ноге, хромал следом. Девушка подскочила.

– Перевязать?

– Нах... – рявкнул боец, – Бегом!

Тогда Маша подхватила его под руку и помогла бежать. А позади частили выстрелы и непрерывно бил пулемет. Пули стригли заросли и кусты, но выше их голов.

– А-а-а, суки! – гаркнул боец, – Хрена вам, а не Дюжий!

В овраг за малым не свалились, слишком быстро с уклона бежали. И ранение помешало остановиться. Боец, чтобы не ухнуть с обрыва, упал, и аккуратно на раненую ногу.

Так много плохих слов Маша еще не слышала. В основном боец костерил немцев, заодно какую-то дуру, что аккуратно в центр боя умудрилась влезть. И что стоит столбом, когда снаряд взрывается. Если не осколком, то бревном прихлопнуло бы точно. Повезло, что он ее заметил и буквально из-под падающего бревна выдернул.

Маша покраснела. Только теперь поняв, что пока она кувырком летела через ограду, все ее прелести были всем напоказ.

Ближние выстрелы заставили поторопиться. Девушка помогла подняться бойцу, и они начали спускаться в овраг.

– Товарищ боец, – обратилась к парню Маша, – нужна ваша помощь. Из госпиталя раненого не успели эвакуировать, мы его в подвале спрятали...

Боец недоуменно посмотрел на девушку.

– Я-то не против помочь, даже за... – сказал и поморщился – неудачно ногой двинул, – но патронов нет, и не ходок сейчас.

– Как же тогда... – глаза тут же намокли, – пропадет ведь...

– Не реви, – буркнул боец, – сейчас доковыляем до точки, расскажешь командиру, он решит.

Но прежде им пришлось остановиться и перевязать рану, потому что штанина намочла, и уже хлюпало в сапоге.

– А ты молодец, – похвалил боец Машу, – толково перевязала.

– Я в госпитале санитаркой неделю... – засмуцалась она, – меня Машей зовут. Кузнецова... я.

– А я сержант Николай Дюжий, – представился боец. – Это фамилия такая. Пошли, Маша Кузнецова, нам еще немного осталось.

Они прошли еще немного, продираясь сквозь густые заросли крапивы и лопухов. Затем лезли через ежевику. Та цеплялась за одежду как бешеная, особенно за бинт на ноге. Сержант шипел от боли – ногу и так при ходьбе дергало, а тут еще эта зараза.

Вдруг впереди послышался птичий щебет. Что-то вроде фьють-фьють-чичик. Дюжий приложил пальцы ко рту и ответил такой же трелью. Из зарослей появился боец и призывно махнул.

– Это свои, – сказал сержант, – пошли, Маша.

Под разлапистой ивой находилось семеро. Один поднялся навстречу, и Маша узнала командира, которого в окне видела. Тот с удивлением посмотрел на девушку, сразу определил, что она собралась что-то сказать, остановил её жестом повернулся к Дюжему.

– Капитонов где?

– Нет больше Капитонова, товарищ капитан госбезопасности, – угрюмо ответил сержант.

– Ты уверен? Видел – как он погиб? Может, ранен?

– Нет, товарищ капитан, – покачал головой боец, – Ромке осколком полголовы снесло. Документы я забрал.

И сержант, расстегнув клапан гимнастерки, вытащил окровавленную книжку. Капитан забрал документ, раскрыл, вздохнул. Задумчиво постучал книжкой по ладони.

– А девочку в плен где успел взять?

Маша сразу запунцовела. И только хотела возразить, но Дюжий перебил:

– Да на пути оказалась. Я как раз от немцев уходил, а она столбом посереде дороги. Вот и подцепил с собой.

– Знаем-знаем, чем ты зацепился, – хмыкнул один из бойцов.

– Я ни за кого не цеплялась! – решила вклиниться Маша. – Я вас искала. А Коля мне жизнь спас! Вот!

– Во Дюжий дает, и познакомиться успел... – хмыкнул тот же боец.

– Отставить шутки! – прикрикнул капитан. – А ты именно нас искала или кого-то еще?

– Вас, товарищ капитан госбезопасности! – воспряла Маша. – Я санитарка городского госпиталя Мария Кузнецова. Из госпиталя эвакуироваться не успела. И еще один ранбольной, дядя Ваня и Евдокия Михайловна, старшая санитарка. Мы ранбольного в подвале спрятали, только Евдокия Михайловна спрятаться не успела, и немцы её убили. Потом мы подождали, когда немцы уйдут, и я вас пошла искать.

Капитан глянул угрюмо.

– И ты хочешь, чтобы мы вернулись в госпиталь?

– Конечно, товарищ капитан, это же наш советский человек. Нельзя его бросать...

Капитан прикрыл глаза.

– У нас четкий приказ, девочка, – сказал капитан с горечью, – и мы должны его выполнять.

Маша поняла, что ей отказали. Заплакала и сквозь слезы проямлила:

– Он просил передать – Феникс возродится!

Глава 5

Красноармеец, натужно сопя и еле слышно читая надписи, водил по карте грязным пальцем. Горянников бойца не торопил. И так тот выглядел не ахти – худой, осунувшийся – глаза впали... четыре дня по лесам впроголодь, да и по выходе к своим его запугали до дрожи. Перестарались особисты, подозревая в каждом одиночном окруженце диверсанта.

– Ты не торопись, подумай...

И боец старался. Еле шевеля губами, читал названия населенных пунктов, прикрывал глаза, тер лицо. Читать карту красноармеец не умел – образование три класса, но капитан надеялся, что карта поможет, если не бойцу, то ему, хотя бы наводящие вопросы подкинуть...

– Может, особенное что видел, – предположил капитан, – необычное строение, высокий холм, башня водонапорная...

Боец покачал головой:

– Нет, не видел башен.

– А церковь?

– Да! Видел храм! – воскликнул боец, рука его дернулась было к голове. И в потухших глазах промелькнула искра. Красноармеец отдернул руку и зыркнул настороженно.

– Веруешь? – поинтересовался Горянников. – Верь на здоровье. Так ты видел там церковь?

– Видел, – подтвердил красноармеец. – Только храм далече стоял, на холме. – Село, значит, недалеко было, – кивнул Горянников. – А описать сможешь?

– Храм, – пожал плечами боец, – обычный.

– Деревянный или каменный, есть ли колокольня, и какая, действующий храм или нет.

Боец задумался. Вновь потер лицо.

– Колокольня беленая была, значит, храм каменный, а... крест был... да был.

Горянников взглянул на карту. Теперь стало проще. Болот в этих местах не так уж много. С немцем он столкнулся на выселках, что около ручья стояли, а по ту сторону ручья болото начиналось. И каменная церковь недалеко. Постарался вспомнить список зондеркоманд и направления их движения, но тут память пасовала, слишком много документов пришлось просмотреть, и не со всеми листами он тогда ознакомился. Но это пока не важно. Важно, что по зондеркоманде 7 б имеется подтверждение.

Капитан прикрыл глаза, припомнив прочитанные строчки: «Военному командованию предписано оказывать айнзатцгруппам материально-техническую поддержку, обеспечивать боеприпасами и продовольствием, местами отдыха и не обращать внимания на их деятельность. Айнзатцгруппы подчинены СС, однако отчеты и рапорта идут напрямую Гитлеру».

Не обращать внимания на деятельность...

Горянникова передернуло. Он представил, что могут вытворять эти палачи, если даже военным служащим вермахта дали такой приказ. Подавив вспыхнувшую злобу, капитан вернулся к размышлениям.

Подчинены СС... доклады Гитлеру...

Значит, имеют мощный карт-бланш. А это мысль!

Достал из планшетки зольдбух и жетон. Повертел последний, рассматривая. А скопировать его не проблема, затем зная, где и какие зондеркоманды действуют...

– Гражданин капитан госбезопасности, а меня куда теперь?

Горянников взглянул на понуро сидевшего бойца.

– Не гражданин, а товарищ, – поправил он. – Ну-ка, расскажи еще раз с самого начала...

По рассказу бойца, его отделение следовало в полк на бортовом ГАЗ-АА, когда налетели штурмовики. «Юнкерсы» появились внезапно и сразу зашли на дорогу. Полторку накрыло

первой же бомбой, прямо под борт. Лапину повезло несколько раз подряд. Взрывом его отбросило к лесу. Проломив кусты, он влетел в бурелом, за малым не насадившись на сухие сучья. Пришел в себя ненадолго, был еще день. Ничего разглядеть не смог, в глазах все плыло, кружилась голова и тошнило. Сквозь гул в ушах слышались выстрелы. Отключился. Сознание вернулось уже в сумерках.

Первым делом ощупал себя. Ран, кроме саднящих царапин, не нашел. Если головную боль не считать. Винтовки нет, ремень сорвало. Гимнастерка практически в клочья. Потрогал голову – болит, а пилотки нет. Жаль, там иголка с нитками были.

Пополз к дороге. Долго полз, удивляясь – так далеко его отбросило. Из-за головной боли и гула в голове не сразу увидел, что по дороге идут машины и танки. Немецкие. И опять повезло – не заметили его. Вернулся в лес, отошел поглубже, наломал еловых лап для ночевки, лег и сразу уснул...

Два дня Лапин шел вдоль дорог. Живот сводило от голода. Раз наткнулся на труп красноармейца. Правая рука его была в бинтах и, похоже, бедолага умер от ранения, недавно, так как пахло не сильно. Зато имелся ранец. Правда, в нем было небогато. Из провизии – три кусочка сахара и четвертинка хлеба. И ничего, что черствый.

Из снаряжения котелок и саперная лопатка. Нож. А оружия не было. На ремне подсумки отсутствовали. Документов никаких не нашлось, только затертая фотокарточка, на которой счастливо улыбался карапуз в распашонке. Пацан...

Бросать тело он не стал. Выкопал неглубокую могилу и похоронил, накрыв голову своим рваньем. Чужие штаны и гимнастерка подошли как свои. Ботинки с обмотками в могилу положил, малы оказались...

На немца Лапин натолкнулся неожиданно. Пока пробирался вдоль ручья, заметил постройки и свернул к ним, в надежде разжиться провизией. Или поесть, если не прогонят. От усталости и голода голова совсем не соображала, поэтому поперся прямо по натопанной тропе и натолкнулся на немца. Тот шел к ручью, чуть разведя руки. С них капала кровь, и на форме были кровавые пятна.

Оба на миг оторопели.

Немец открыл рот, но крикнуть не успел – Лапин зарядил в бубен саперкой. Как она в руках оказалась – сам не понял. Немец упал. Лапин почему-то первым делом обхлопал карманы – расческа, платок, документы, какая-то железка на бечеве. Сунул все в карман и принялся расстегивать ремень. Послышались голоса, причем голоса приближались. Тут Лапина начало трясти и пальцы перестали слушаться – кобуру никак не расстегнуть. Поняв, что достать оружие уже не успеет, он кинулся по тропинке. Позади закричали, хлопнуло несколько выстрелов, что прибавило прыти. Трехметровый ручей перепорхнул влет. Скакал через сушняк, как олень. Немцы не отставали, порой пули свистели буквально у головы, а стреляли по нему часто...

Лапин рухнул в жижу, затем, еле перебирая конечностями, дополз до кочки и повис на ней. И понял – всё, больше сил нет. Верст пять по лесу и болоту. Так он не бегал никогда. Видели бы его забег товарищи, особенно Савушкин, что физзачеты принимал. Сразу бы «отлично» поставил. Теперь зачет принимали немцы. Вот подойдут и зачтут...

Щебетали птицы. Ветерок шумел листвой осин. Немцы на зачет запаздывали...

– Как фронт перешел?

Лапин пожал плечами.

– Я все по болотам шлепал. Немцы-то в болото побоялись сунуться. Слегу срезал и шел по трясине. На наших случайно вышел. Сначала запах учуял, гороховым супом пахло, так по нему и шел, как собака. Потом голоса – матом кого-то крыли, – усмехнулся боец, – и я понял, что дошел.

Похожую историю Горянных уже слышал. И подумалось, что услышит еще не раз.

Что делать с этим Лапиным – ясно. Не так чтобы он сильно прояснил по зондеркоманде, но и это результат.

– Подтвердить твою историю некому, и проверить трудно, но... – капитан постучал пальцем по планшетке, в которую убрал жетон и документы немца, – вот эти документы говорят в твою пользу. Поэтому пойдешь на фильтр, потом на формирование.

Лицо Лапина разгладилось, глаза заблестели.

– Спасибо, товарищ капитан госбезопасности!

– Все, боец, иди, – отмахнулся тот.

Только вышел Лапин, в кабинет вернулся Котов.

– Ну как, поговорил?

– Поговорил, – кивнул Горянников, – он очень помог, так что пусть воевать идет. А после таких приключений злее бить врага будет. Ты вот что, Витя, – если столкнешься с информацией, как у Лапина, пусть даже на уровне слухов, то фиксируй и сообщай по нашей линии сразу. На имя товарища Андрея...

В дверь настойчиво постучали. Заглянул ординарец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.